

Александр Накул Сингапурский Гамбит

12+

Александр Накул

Сингапурский гамбит

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67111818

SelfPub; 2022

Аннотация

Летом 1936 года в сингапурском отеле «Бингли» собираются весьма любопытные люди. Здесь можно встретить русских эмигрантов и немецких ботаников, международных шпионов и масонов-националистов, чёрных магов и тибетских монахов. Во время магического сеанса пропадает один из постояльцев... и это только начало длинной цепи интриг, загадок и преступлений.

Содержание

Часть I. Забытая реликвия	5
I. Авагдду угадывает	5
II. Исчезновение загадочного постояльца	22
III. Монах, джентльмен и гражданская война в Испании	31
IV. Друид из Ист-Энда	47
V. Соглядатай	56
VI. Совратитель и лжепророк	70
Часть II. Под наблюдением	81
VII. Русская и неизвестная	81
VIII. У контрразведчиков	92
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Александр Накул

Сингапурский гамбит

Мы отплываем в Сингапур —
Безумен каждый, как медведь.
Припав к штурвалу, я понур,
Земную покидаю твердь.

Всех китайцев опоил,
По дну Парижа шлялся,
С цветным цунами танцевал,
В песке косы валялся.

Попрощайся же со мной!

Том Уэйтс, «Сингапур»

Часть I. Забытая реликвия

I. Авагдду угадывает

– Наука не может объяснить то, что сейчас вы увидите.

В тот майский вечер 1936 года бильярдный зал был полон публики. Почти все постояльцы знаменитого сингапурского отеля «Бингли» собрались, чтобы стать свидетелями настоящего чуда.

Англичане, французы, швейцарские немцы, голландки из Батавии, латиноамериканец с подкрученными усиками, очаровательная португальская метиска из Макао и многие, многие другие. Явились и китайцы в застегнутых на все пуговицы европейских костюмах – несколько лет назад новые хозяева отеля разрешили селить обеспеченных азиатов. Еще один китаец в белом колпаке замер в баре. А возле выхода вытянулся по стойке смирно мордатый коридорный-сингалец со Шри-Ланки, всегда готовый прийти на помощь.

Верхний свет погасили. И только в баре посреди зала горят красные лампы. Бар похож на мавританскую крепость из орехового дерева, а лампы – на сигнальные огни ее башен.

Пахнет английскими сигарами и влажной сингапурской ночью.

Напряженная тишина. Слышно, как движутся на шарни-

рах электрические опала и щебечут цикады за громадными полукруглыми окнами.

Все смотрят за перегородку, что отделяет столики от бильярдных столов. На той стороне – стул с малиновой обивкой. Стул сделан из той же темно-коричневой ореховой древесины, что барная стойка.

На стуле – девочка лет тринадцати с волосами, заплетёнными в две косы. Одета в темное складчатое платье, какие носили во времена королевы Виктории. Она сидит настолько прямо и неподвижно, что похожа на куклу. Лицо девочки накрыто черной, под оттенок платья накидкой. Из тени под челкой сверкают колючие глазки.

Рядом женщина лет сорока с распущенными огненно-рыжими волосами и в зеленом платье кельтского стиля, словно сошедшая с полотна романтика-прерафаэлиты. Открытое декольте напоминает о парижских модах, длинные легкие рукава – о средневековых герцогинях, а на поясе – узор из кельтской коллекции Британского музея. Рядом с девочкой она кажется особенно высокой и властной.

В руках у женщины черный шерстяной шарф.

– Агата росла чудесным ребенком, – начала женщина по-английски, – и родители не могли на нее нарадоваться. Она хорошо училась в школе, помогала друзьям, но больше всего ее сердце волновали величественные баллады валлийской старины. Холмы Уэльса, туманные озера и величественные скалы у морских берегов всегда волновали ее живое вооб-

ражение. Возможно, ей предстояло стать великой певицей, которая представила бы на сцене Ла Скала или парижской оперы дивные сказания кельтской древности. А возможно, она могла бы изобразить это языком танца... У девочки было очень много талантов, и мы не знаем, какой из них дал бы самые прекрасные плоды. Но однажды с ней произошло несчастье. Путь искусства или хотя бы светской жизни отныне закрыт для нее.

Женщина обвела взглядом зал. Казалось, она собирается найти виновника.

– Здесь был убит зверь, – вдруг произносит девочка. Голос у нее нечеловечески монотонный.

– Что? Что ты сказала, Авагдду?

– Здесь был убит зверь.

– Да, это так, – произносит человек в белом костюме, форменной фуражке и с пусть подстриженной, но все равно пиратской бородкой. – Было дело, в отель приходил тигр. Давно, в самом начале века, еще до Великой войны. Пробрался в зал полосатый, залез под вон тот бильярдный стол, свернулся в калач и уснул. Не знаю, как у него получилось. Наверное, город в те времена был чуть меньше. И вот, господа, вы представляете, насколько удивился старина Джон Гутри, когда выдал фрейм-бол, убрал кий, повернулся, чтобы взять виски, и вдруг наступил тигру на лапу!.. Нам повезло, что в гимназии Стэмфорда нашелся хороший стрелок. Он и уложил зверя, всадил ему пулю между глаз. С пятой, правда,

попытки.

Это Виктор Субботин – управляющий отелем. Ему можно верить. Он знает все байки от Харбина до Адена, а в России служил ординарцем у самого барона Унгерна.

– Да, как вы видите, девочке многое открыто, – продолжила женщина, – но она заплатила чудовищную цену за приобретенный талант. Вот как это случилось. Однажды мать послала Агату за керосином. Девочка подала бидон, керосинщик открыл кран, и теперь уже никто не знает, как это произошло, но керосин вдруг вспыхнул, и вся лавка взлетела на воздух. Агата выжила, но ее лицо так и осталось обезображено ужасными ожогами. До конца своих дней она будет вынуждена скрывать его, словно бедуинка из жарких пустынь Сахары.

В зале послышался шелест. Это португалка достала платок.

– Агате пришлось пережить ужасные муки. Она плакала от боли, а потом забывалась коротким сном. А когда она вспоминала, какое горе это для ее родителей, несчастная девочка плакала еще сильнее.

Ее несчастные родители, добрые, честные, богобоязненные труженики, не могли проводить с ней достаточно времени. До взрыва у них с трудом хватало денег, чтобы платить за учебу, и ни отец, ни мать не могли оставить своего ремесла. И тогда я, Керридвен МакМеган, взяла опеку над мой любимой маленькой родственницей. Некое шестое чувство под-

сказало мне, что несчастье бедного ребенка не может быть бесконечным.

И вот однажды, когда Агата, обессиленная, забылась сном, с ней случилось нечто необыкновенное. Она увидела скалу, что вздымалась над бушующим морем, а на вершине скалы вращался серебряный замок кельтской небесной богини Арианрод, чье имя сохранилось только в древних преданиях. Агата взмолилась о помощи и оказалась внутри. Там богиня показала ей чудесный котел, и в его бурлящей воде Агате открылось ее новое имя и предназначение. Она стала Авагдду, и отныне для нее открыты самые сокровенные тайны человеческих душ.

Так началась ее новая жизнь. Неумолимая судьба скрыла ее лицо за накидкой, но убрала для ее глаз завесу тайны с ваших лиц. К тому же Агате постоянно приходят новые озарения и пророчества – одно из них и стало причиной нашего путешествия. Оно заключалось в том, что только в Сингапуре, на границе Востока и Запада, ей будет открыта ее подлинная миссия в нашем измерении.

Мы знаем, что время не терпит. Наступает новая эра, и человечество выживет, только если научится прислушиваться к высшим силам. На ближайшем заседании Сингапурского отделения Теософского общества мы попросим уважаемых спиритуалистов изучить характер ее дара и дать совет, как лучше использовать его для блага всего человечества. Сегоднешнее же собрание необходимо, чтобы феномен Авагдду

смогла наблюдать широкая публика.

Ни для кого не секрет, что деятельность Теософского общества окружена множеством отвратительных слухов. Агенты темной иерархии не остановятся ни перед чем, чтобы опорочить искателей света подлинной истины. Сегодня каждый из вас сможет удостовериться: чудеса древних преданий по-прежнему живут рядом с нами. Но чтобы овладеть ими, мы платим слишком большую цену...

Женщина продемонстрировала публике шарф.

– Есть люди, которые прочитали несколько историй про Шерлока Холмса и уверились, что сокровенные тайны человека можно раскрыть, просто взглянув на его одежду. Но дар Авагдду не зависит от зрения. Чтобы доказать это, мы для чистоты эксперимента завяжем ей глаза. Кто-нибудь желает проверить, что повязка надежна и не позволяет подсматривать?

– Давайте я, – из-за карточного стола поднялся пожилой краснощекий американец. Он сидел к девочке ближе всех.

Керридвен подала американцу шарф. Тот с видом заправского портного осмотрел его со всех сторон, потом одним движением повязал себе на глаза и обернулся к остальным зрителям.

– Не вижу, – сообщил он и вернул шарф.

Керридвен поблагодарила гостя и завязала девочке глаза. Теперь лицо Агаты полностью скрыто черной тканью.

– Ассистировать нам будет кузен девочки – Гвион Бах. Он

из Лланфер-Керейнион и, как может, помогает своей кузине. Гвион, начинаем.

Кузену Гвиону было лет двенадцать. Прямые светло-рыжие волосы до плеч, словно у юного рыцаря, симпатичное лицо, в котором есть чуть-чуть от лисицы, и стройное тело. Легкой походкой он подошел к стулу, изящно поклонился публике и одним прыжком перемахнул через перегородку.

– Гвион будет держать человека за руки, а Авагдду скажет о нем немного правды, – Керридвен ухмыльнулась: – ну точь-в-точь кельтская ведьма – родство их душ достаточно сильно, чтобы вызвать нечто наподобие резонанса. Современная психология пока не может даже подступиться к этим явлениям. Нечто подобное исследует только австрийский доктор Вильгельм Райх...

– Кто желает быть первым? – Гвион смотрел из-под золотистого локона.

– Я, – американец поднял пухлую руку, – раз уж с меня, что называется, началось...

Гвион подошел, улыбнулся и взял американца за руки. Тот заметил, что у мальчика очень тонкие изящные запястья.

– Авагдду, прошу, скажи, что ты видишь.

– Вы названы именем, которое есть в Библии, – заговорила Авагдду, – вы родились в небольшом городке, и даже сейчас, в разъездах, сохранили верность той церкви, к которой принадлежали. Это одно из протестантских течений... вероятно, методисты, а может быть, некое чуть-чуть более пуританское.

танское течение. Скорее всего, методисты, содержание веры у них настолько похоже, что я не всегда могу различить... Нет, это не что-то радикальное. Адвентизм и тому подобное – это не для вас, ведь вы разумный человек.

– Совершенно верно.

– Вы прибыли сюда из-за моря. Страна за морем. Вы прибыли на пароходе, чтобы что-то купить. Но вы не можете купить эту вещь. Она слишком большая, это серьезная покупка. Вы беспокоитесь из-за этой сделки.

Американец ощутимо нервничал.

– Можно прекратить? – спросил он.

– Да, – сказала Авагдду.

Гвион разжал пальцы.

Американец выдохнул и сел, достал сигару, положил в рот и отхлебнул пива.

– Все верно, – сказал он в зал, – исключительно точно работает.

– Кто еще желает подвергнуться испытанию?

Гвион оглядывал гостей. Его глаза смеялись.

– Я, – поднял руку француз в белом костюме с красным платочком в кармане. На мизинце блеснул изумруд.

Гвион подошел. Жена француз с восторгом смотрела, как ловкие белые пальцы обхватили холеные руки.

– Авагдду, открой нам тайну этого славного мужа!

– Этот человек женат на изгнаннице, – сказала Авагдду. – Его жена девочкой жила в другой, очень холодной стране, но

была вынуждена уехать. Потому что ее дом забрали бывшие слуги. Вы уверены, что с вами этого не произойдет. Вы родились в лучшей из частей света – Европе, в лучшем городе Европы – Париже и в лучшем из округов Парижа – четвертом.

– Вот как! – сказал Субботин и посмотрел на жену француза. Соня Шовен, урожденная Танеева, грустно кивнула.

– У вас есть много скрытых возможностей, которым вы пока так и не нашли применения, – продолжала читать француза Авагдду. – У вас есть слабости, но вы способны их преодолеть, если нужно. Вы знаете, что с вашим положением и талантами вам нет нужды служить или заниматься поденной работой: сама жизнь дает достаточно материала, чтобы реализовать его, когда на вас снизойдет вдохновение. Вы предпочитаете разнообразную жизнь, рамки и ограничения вызывают у вас недовольство. Также вы мыслите независимо и этим гордитесь. Вы ничего не принимаете на веру без достаточных доказательств.

Француз улыбался.

– Смею заверить, – сказал он, – что вы, юная мадмуазель, видите меня насквозь.

– У вас есть и темная сторона, – Авагдду продолжала тем же тоном, – вы предпочитаете ее не раскрывать. Это связано с событиями вашей ранней юности. Запреты уже тогда для вас ничего не значили. Вы хотели все испытать и попробовать. Вы попробовали многое. Остановились на немногом.

Но некоторые шаги были чрезмерны. Это темная область вашей души, в которую вы редко заглядываете.

– Я надеюсь, вы сохраните увиденное в секрете? – спросил француз.

– Да.

Гвион разжал пальцы, не дожидаясь команды.

– А давайте почитаем вас! – он обратился к нахохленному человеку, что стоял за французом, – Давайте, давайте попробуем! Случайный человек, который вроде бы не готов открыться. Ну пожалуйста! Я вас очень-очень прошу!

У нахохленного торчало все – и борода, и усы, и шевелюра с паутинками седых волос. Скорее по инерции он выставил потные желтые руки.

– Авагдду, прошу, подними покров тайны!

– Вы участник великой войны, – начала Авагдду, – вы не очень понимали ее цели, но выполняли свой долг, и вас не в чем упрекнуть. К сожалению, война оказалась проиграна, но вы не знали ее целей. Потрясением для вас было именно послевоенное презрение к вам, бывшему фронтовику. Родина изменилась. Вы стали ей не нужны.

– Это обычное чувство у немцев моего поколения, – ответил нахохленный. – На войне я был связным, если вам интересно.

– Новый канцлер Адольф Гитлер остается для вас загадкой. Вы не можете решить, кто он – очередной обманщик или человек, который возродит Германию. По мере сил вы

стараетесь служить своей стране. Вы надеетесь, что со временем рост благосостояния заставит забыть об унижении проигранной войны. Вы были не раз влюблены, но не можете бросаться с головой в омут страсти: это мешает работе, и у вас уже были с этим проблемы.

– Давайте кого другого, – попросил Субботин, – а то опять о политике. Люди сейчас настолько набиты политикой, что вам, наверное, душу еле видно.

– Да, – ответила Авагдду, – это так.

Гвион подошел к усатому латиноамериканцу.

– Авагдду, скажи нам про этого человека.

– Ваша страна перенесла ужасные страдания, – начала Авагдду. – Они большой болью отзываются в вашем сердце. Долгая кровавая борьба за независимость, предательство политиков, армия, которая не защищает страну, а устраивает перевороты, годы диктатуры, попытка революции. Успешная. Но это не принесло народу счастья. Продолжается война. На вашу страну влияют Соединенные Штаты. Иногда вам кажется, что посол Штатов влиятельнее, чем сам президент.

– Загляни ему в сердце, девочка, – крикнул Субботин. – Это все я у него и в дипломатическом паспорте прочитать смогу!

– Вам было от тринадцати до шестнадцати лет. Вы были впервые по-настоящему влюблены, но не могли жениться на ней, потому что были ей не пара. Да, слишком разные. И ее, и ваши родители не допустили бы свадьбы. Вы мечтали при-

мкнуть к революции. Потому что революция сделала бы вам карьеру. И принесла много женщин. Но родители были против. Они заставляли вас учить английский язык. Это язык захватчиков, которых вы терпеть не можете. Религия не значит для вас много. О! Неужели вы атеист?

– Я не вижу смысла это скрывать, – с достоинством ответил латиноамериканец, – мы здесь все современные люди.

– Меня! Меня посмотрите, – португальская метиска махала платком.

Гвион повернулся к кухне.

– Авагдду, будем ли мы смотреть эту прекрасную леди?

– Да.

Гвион прошел через расступившуюся толпу и взял девушку за руки. Кожа у метиски была цвета какао с молоком, а скуластое лицо просто не позволяло отвести взгляд.

Даже двенадцатилетний Гвион отметил про себя, что она очень даже ничего.

– Вера значит для вас очень много, – заговорила Авагдду без приглашения, – вы учили кахетизис. Ваше сердце замирает, когда вы вспоминаете себя в возрасте первого причастия. Вы любите католические храмы, потому что они красивые. Вы знаете, что грешны. Бог создал и любит вас такой, какая вы есть. Вы мечтаете встретить достойного мужчину. Вы понимаете, что с вами придется непросто. Вам нужен мужчина, похожий на вашего отца, а лучше на самого Бога. Вы пока его не встретили. Вы стремитесь в высшее об-

щество, потому что мужчина вашей мечты тоже амбициозен. Вы всегда в поисках чего-то нового. Вы разбираетесь в моде намного лучше, чем большинство женщин.

– Спасибо, спасибо, – португалка быстро моргала глазами.

– ...Простите! Вы можете сказать про... вещь! Да, вот слово: вещь! У меня есть вещь, про нее хочу, чтобы вы сказать.

Этого старика заметили только сейчас. Он сидел на стуле между двумя окнами, в тени. В полумраке он казался столиком или шкафчиком, а не живым человеком.

Смуглый, с пушистыми усами и щетиной на щеках, он был похож на армянина. Хороший светлый костюм болтался на нем, как на вешалке. Видимо, старик усох с возрастом, но старался этого не замечать. Или не желал тратить на новый костюм?

А вот брюки ему были ощутимо коротки, и из-под них торчали волосатые ноги в дешевых кожаных сандалиях, какие носят индусы.

Широкополая шляпа надвинута на лоб, а руки вцепились в трость. Казалось, что даже сидя на стуле старый армянин нуждался в опоре.

Армян в Сингапуре жило немного, всего несколько семей. Но они были достаточно богаты, чтобы им никто не удивлялся. Несколько десятилетий назад именно четыре брата-армянина по фамилии Саркис построили отель «Бингли» и руководили им до биржевого краха в 1931, который через два года закончился продажей отеля за долги.

– Вы хотите, чтобы Авагдду заглянула в сущность какого-нибудь из ваших предметов?

– Да! Да! Вещь – это предмет. Верно, верно... Предмет!

– Вы принесли его с собой?

– Да! Да! Вот она.

Старик достал что-то, завернутое в мешковину.

Гвион обернулся к Керридвен.

– Авагдду сможет не только прочитать предмет, – сказала Керридвен, – она сможет его угадать.

– Да, – сказала Авагдду.

Гвион подошел к старику и протянул ладони.

– Положите его без обертки. Мне надо почувствовать.

– Да! Да!

Армянин прислонил трость к стулу и начал разворачивать. Пальцы работали удивительно ловко для дряхлого старика.

– Вот! – старик протянул предмет, – Всем покажи! Всем!

На лице Гвиона отразилась легкая паника, но он поднял руку. На ладони стоял небольшой бронзовый колокольчик. Это был типичный дильбу, с каким ходят тибетские монахи.

– Авагдду, – Гвион сглотнул, – молю, открой нам тайну сего загадочного предмета.

Ответа не было.

Гвион обернулся. Керридвен тоже смотрела на девочку.

Авагдду вскрикнула.

– Ох, – сказала Керридвен, подошла ближе и положила

руки на плечи девочки.

– Великая тайна! – заговорила Авагдду, теперь уже другим тоном: монотонным, но встревоженным, – Великая тайна! Это могучий предмет, он не то, чем кажется! В нем заключена великая магическая сила! Немыслимая сила! Великая тайна, великая мощь! О нет! Нет! Не мечтайте им завладеть! Справиться с ним может лишь великий и подлинный маг! Вы не знаете его истории и применения!

Авагдду затихла. Все смотрели на армянина. Тот снял с руки колокольчик, завернул обратно в мешковину, спрятал в карман. Поднялся, опираясь на палку и только сейчас улыбнулся.

– Лексо! Лексо! Так и думал! Так и думал! Лексо!

И заковылял к выходу на галерею первого этажа. Коридорный хотел его поддержать, но старик отстранил сингальца и скрылся в галерее.

– Yr hyn a wnaeth e ddweud? – спросила Авагдду. – Beth mae Lekso yn ei olygu?

– Nid wyf wedi deall, – ответил Гвион. – Rydych wedi arbed y sioe. Diolch!¹

– Авагдду, мы будем продолжать? – спросила Керридвен.

– Нет, – девочка вернулась к обычному тону, – Я устала.

Женщина подняла девочку и понесла прочь. Девочка обвисла в объятиях и теперь была еще больше похожа на кук-

¹ Современный валлийский:– Что он говорит? Что значит слово «Лексо»?– Я не понял. Ты спасла представление. Спасибо!

лу. Бильярдный зал провожал их аплодисментами.

Гвион перемахнул через перегородку, не забыл поставить стул на место, отвесил короткий поклон и побежал следом.

Постояльцы расходились по комнатам. Только американец по-прежнему дымил гаванской сигарой возле бильярдных столов.

Субботин рискнул и подошел.

– Если они вас смутили – приношу извинения от лица администрации отеля. Госпожа МакМеган не предупредила, что будет работа с публикой. Если она...

– Все в порядке. Когда следующее выступление?

– Через два дня.

– Оно тоже будет в бильярдном зале?

– Нет. Авагдду будут показывать независимым экспертам из Теософского общества.

– Значит, теософы... А могли бы в Лос-Анджелесе выступать!

– Вы думаете, такие феномены можно показывать в парке развлечений?

Американец нахмурил одну бровь и посмотрел снисходительно.

– Показывать можно все. Пока зритель готов платить, разумеется. Это азбука бизнеса. Но ребята мне нравятся. Девочка-медиум ничего. Мальчишка – ну тот, длинноволосый – так вообще молодец.

Субботин удивился.

– Но у него же нет никаких особых способностей! Или вы имеете в виду его связь с сестрой?

– Да, связь, – американец явно был в своих мыслях, – связь держит. Думаю, сегодня он получит свои шоколадки. Заслужил...

Он вдохнул и медленно выпустил дым.

– Кстати, – американец встрепнулся, – а кто этот господин с колокольчиком? Я не помню, чтобы он здесь жил.

– Он заселился только сегодня.

– Очень, очень большой талант.

– Вы имеете в виду его колокольчик?

– К черту колокольчик! Вы не знаете, когда он просыпается? Я собираюсь с ним потолковать.

– К сожалению, он заселился во время обеда. Завтра будет первый день, когда он выйдет к завтраку.

– Превосходно!

Сигара закончилась. Американец посмотрел на остаток, швырнул его в пепельницу и потопал в номер.

Со спины он был похож на буйвола.

II. Исчезновение загадочного постояльца

Было около полуночи, когда коридорный-сингалец Овира Мефсилу заметил непорядок.

Точнее, он его услышал.

Сингалец шел по галерее первого этажа, высматривая пыль и паутину. И тут с задней стороны отеля донесся долгий звук льющей воды. Как будто кто-то выливал воду из бутылки.

Овира Мефсилу беспокоило. Конечно, он повидал разных постояльцев, и не раз в отеле случались такие кутежи, что и вспоминать неприлично. Но он ни на один вдох не забывал, что «Бингли» – самый знаменитый отель Сингапура и здесь должно быть чисто, как в буддистском монастыре. И мочиться у стены со стороны сада (а звук был очень похож) тут запрещено всем постояльцам, пусть они даже лорды или из королевской семьи.

Сингалец вышел в сад. Возле серебристо-белой стены ничего. Для верности он решил пройти вдоль задней стены, и со второй попытки обнаружил там – лужу.

Лужа была маленькая и мутная. Земля впитывала жидкость, как губка.

Овира наклонился и принялся. Похоже, простая вода. Решил рискнуть, опустил палец в лужу и лизнул. Горькая,

соленая. Наверное, морская.

Коридорный поднялся и посмотрел в сторону океана. Раздувшийся от прилива, он покрыл пляж, так что между блестящей черной водой и оградой отеля осталась лишь белая полоска песка. Но догадка не приходила.

Правила отеля «Бингли» не запрещали лить морскую воду из окна. Разумеется, если это не раздражало других постояльцев.

Но коридорный все равно не мог взять в толк, для чего это делать.

Напротив лужи – окно восьмого номера. Насколько он помнил, именно сюда заселился тот самый загадочный армянин, что прибыл вчера с одним большим тяжелым чемоданом, а сегодня вечером показывал колокольчик маленькой кудеснице.

Света в окне нет. Похоже, постоялец уже лег спать.

Наутро сингалец решил выяснить, не случилось ли новых событий с участием загадочного армянина.

Овира Мефсилу было знакомо могущество колдунов, но он их не особенно боялся. Навредить порядочному человеку, который знает свой гороскоп, они все равно не смогут. А если попытаются, он пригласит монаха и тот задаст омысаченному колдуну хорошую трепку!

Горничная-малайка сказала, что дверь заперта, а постоялец до сих пор не выходил. И на стук не отвечает.

Овира Мефсилу отправился к Субботину. Теперь у него была серьезная причина: номер остался неубранным.

Управляющий повидал немало удивительного, прежде чем осесть в Сингапуре. Учился в петербургском Институте Востока у легендарного йогина Поливанова. Переводил с китайского и японского, а европейские языки знал без числа. Был многообещающий поэт-декадент, один раз его даже выгнали с семинара Гумилёва. В Гражданскую поехал в Сибирь агитировать китайских кули. Агитировал, агитировал и вдруг оказался ординарцем барона Унгерна. Субботин пересек с тантрическим белогвардейцем Монголию и пытался собрать полк из боевых монахов. Чуть не стал личным переводчиком ужасного Джа-ламы. Позже, в Харбине, издал книжки стихов «Славлю смерть» и «Московская готика». Знал жаргоны маньчжурских тайных католиков и кантонских чаоторговцев.

И вот случился биржевой обвал 1931 года, отель после двухлетней агонии разорился. Кантонские чаоторговцы выкупили его с аукциона и поставили управлять своего старого приятеля.

Одним словом, Субботин исследовал мир со всех сторон и наверняка знал, как обращаться с армянскими магами.

– Это очень интересно, – сказал он. – А табличку «Не беспокоить» он повесил?

– Таблички нет, масса.

– Ну и хорошо. Вечером посмотрим. А пока я на крикет

опаздываю.

В Сингапуре Субботин полюбил английский спорт. И английский джин тоже.

Вечером армянин не появился ни в бильярдном баре, ни на обеденной террасе. Американец, когда вернулся из города и расправился с ужином, зашел в бильярдный и спросил, не видел ли кто загадочного постояльца.

Как оказалась, загадочного постояльца не видел никто. Субботин напрягся.

– Этого следовало ожидать, – американец взмахнул еще не зажженной сигаретой и отправился в своей номер.

Воцарилось молчание. Первой его нарушила Манозла Ферраз, та самая метиска из Макао.

– Колокольчик тоже пропал?

– Возможно, этот загадочный человек отправился искать достойного мага, – ответил уже знакомый нам француз, тасуя карты. Жан Поль Анаклет Шовен жил в отеле четвертый месяц.

Они каждый вечер играли в бридж – француз и американец против мексиканца и немца. Иногда случалось, что у мексиканца были дела в городе. В такие вечера Субботин садился играть вместе него. Но сегодня американец ушел в свой номер, и карты лежали без дела.

– Можете не беспокоиться, сеньора, – сказал управляющий, – даже если с ним что-то случилось, мы сделаем все,

чтобы ему помочь.

— Вы всегда в делах, — улыбнулась метиска, — я не могу представить, когда вы спите. И с кем... ой, простите, пожалуйста! Это вырвалось совершенно случайно. Один из тех случаев, про которые пишет доктор Фрейд!

— Кстати, скоро ли прибудет ваш жених? — осведомился немец Фридрих Кластерманн. — Вы нам столько о нем рассказывали.

— Я уже начинаю подозревать, он вообще не прибудет, — призналась метиска. — хотя не могу представить, чтобы венгерский граф оказался настолько бесчестным и бесчувственным человеком.

Субботин встал из-за карточного стола и отправился на инспекцию. Он отлично знал этот типаж. С тех пор как португальцы рассорились с англичанами и голландцами, блистательный Макао увял и превратился в город заброшенных пакгаузов, второсортных борделей и облупившихся дворцов, переделанных в игорные дома. А смуглые, горячие и ужасно непостоянные португальцы-метисы с примесью китайских, арабских, малайских и даже японских кровей заплонили кают-компании, негоциантские конторы и аукционные дома всей Ост-Индии. Они продолжали называть себя португальцами, селились в европейских отелях и мечтали о британском подданстве, но не понимали англосаксонского расизма и продолжали жениться даже на негритянках.

Субботина так и подмывало иногда посоветовать им осва-

ивать Россию, где уважают любых иностранцев. Особенно если они в пиджаках и шляпах.

– Он так и не выходил, масса.

Субботин прислушался к двери восьмого номера. Постучал и подергал ручку.

Заперто.

– С вами все в порядке?

Ответа нет.

– Принеси, пожалуйста, запасной ключ, – сказал он коридорному.

Щелкнул замок, дверь отворилась. Субботин заглянул внутрь.

Номер казался совершенно нетронутым с момента последней уборки. Можно фотографировать для рекламного проспекта.

Никакой одежды на вешалках, чистая стеклянная пепельница сверкает, как вазочка для мороженого. Кровать даже не примята. Тростниковые кресла стоят, где стояли.

Только на столе у окна лежит чемодан. Распахнутый и абсолютно пустой.

Армянина нигде нет.

Субботин заглянул в шкафы и под кровать, проверил окно. Заперто изнутри, защелки не тронуты.

Интересное дело. Ни армянина, ни колокольчика.

Управляющий позвал еще раз. Ответа не было.

– Это тот чемодан, который ты нес?

– Да, масса.

– Он уже тогда был пустой?

– Нет, масса. Я сам его нес, внутри что-то было.

– Вот как!

Субботин вышел из номера и запер дверь. Потом пошел проверять регистрационную книгу.

Загадочный армянин заселился вчера и записался как Александр Элбакян, торговец коврами из Александрополя.

Субботин попытался вспомнить, где расположен этот Александрополь – на российский или турецкой стороне? А может, в Греции? Нет, не вспоминается. Это и не важно. Все равно Великая война перекроила границы.

– А помнишь, у нас Вертинский выступал? – спросил он сингальца.

– Да, масса. Мы селили его в лучшем номере.

– И пел в бильярдном баре «В бананово-лимонном Сингапуре». Это была премьера песни. Сейчас она даже на пластинках выходит... Эх, на английском так и не скажешь. А еще у него есть песня «Лиловый негр», он ее тоже пел.

– Если бы я знал русский, масса, я бы ее запомнил.

– А что ты вообще запомнил?

– Что он пел очень проникновенно, масса. Я еще подумал – вот бы кто-то начал петь в такой манере на сингальском языке.

– Да так, мысль пришла. Почему бы нам не нанять швейцаром негра? Хотя бы лилового. Я спрошу у хозяев, думаю,

они согласятся. Хотя англичанам может не понравиться, да. Субботин задумался.

– Значит, так. Про негра я спрошу. А в номер пропавшего Элбакяна мы пока никого не селим. Вдруг он опять там появится? А если не появится, можно будет всем говорить, что в отеле живет призрак. Увидишь, еще больше народу станет. В восьмой номер отбоя не будет, за него можно будет брать, как за люкс. А чемодан призрака надо в холле поставить. Чтобы всем было видно: призраки у нас настоящие.

Когда он вернулся в бильярдный бар, там все еще обсуждали загадочного Александра Элбакяна. О пропаже, похоже, никто пока не догадался.

– Он же совсем не старый, – настаивала метиска Маноэла, – просто небритый, усы длинные и сидел сгорбившись. Я успела присмотреться – у него почти не было морщин. Поверьте, в этом-то я разбираюсь.

– Интересно, зачем ему маскироваться? – спросил мексиканец. – Может, он беглый революционер?

– Я думаю, он вынужден скрываться от сил зла, – сказала Маноэла. – Если девочка все увидела правильно, какие-нибудь черные маги могут охотиться за его колокольчиком. Может быть, поэтому он с нами не ужинает? Я хочу верить, что с ним все в порядке, и он успеет обратиться в Теософское общество. Пока еще не слишком поздно!

Субботин осторожно прокрался в коридор, поднялся в кабинет и снял телефонную трубку. А другой налил на два

пальца джина.

– Соедините, пожалуйста, с военной полицией. Да-да, здравствуйте. Говорит Виктор Субботин, отель «Бингли». Рад слышать, очень рад. Скажите, вы можете проверить по картотекам двух моих постояльцев? Манозла Ферраз из Макао. И Александр Элбакян из Александрополя. Не находятся ли в розыске или под наблюдением? Мне просто надо быть уверенным, что вы не арестуете их до того, как они нам заплатят.

Спустя полчаса ответ был готов. Манозла Ферраз нигде не значилась. Торговец коврами Александр Элбакян тоже.

Зато в лондонской картотеке нашлась Александра Элбакян, биолог из Советского Союза, член ВКП(б) с 1929 года.

III. Монах, джентльмен и гражданская война в Испании

Отель Rex расположен через квартал от «Бингли», с тыльной стороны чуть менее легендарной Каледонии. Он намного меньше, не попадает на открытки, и знаменитых постояльцев тут тоже не бывает.

Так что дежурный Массимо Росси надолго запомнит тот вечер, когда дверь с золотой вязью отворилась, и в отделанный серым гранитом холл вошли эти двое. Пришельцы выглядели настолько странно, что сначала принял он их за актеров.

Один был джентльмен лет шестидесяти, обрюзгший и облысевший, с желтым лицом и всклокоченной бородкой. Одет в старомодный твидовый пиджак (лет десять назад он наверняка обошелся недешево) и брюки-гольф. Чуть ниже колен их скрепляли серебряные застёжки. На пальце правой руки мигнул перстень с золотой пентаграммой.

А за ним тащил чемоданы светлокожий азиат в желтой рясе буддистского монаха. Стриженный наголо, тщательно выбритый и высокий, чуть не до потолка.

— Мне и моему консультанту нужен номер, — с ходу заявил джентльмен, — можно один на двоих. Мой консультант будет спать на полу, я прошу этому не удивляться. У него монашеский обет не пользоваться высокими кроватями.

- Простите, сэр, но я должен уточнить у директора...
 - Правила отеля Rex запрещают спать на полу?
 - Нет, сэр. Они запрещают селить азиатов.
 - Что за чушь?
 - Таковы правила, сэр. Мы селим только европейцев.
 - А русских?
 - Согласно правилам отеля, сэр, русские считаются европейцами.
 - А как насчет португальцев из Макао?
 - Разумеется, сэр, согласно правилам отеля все португальцы считаются европейцами. В том числе и уроженцы Макао.
 - Я не вижу причин, почему вам тогда не поселить моего консультанта. Тибет уж точно ближе к Европе, чем Макао!
- Молодой монах стоически стоял навытяжку с чемоданами и посохом за спиной. На его щеках блестели капельки пота. Ему можно было дать лет тридцать, но с таким ростом ни в чем нельзя быть уверенным.
- Правила отеля запрещают селить китайцев, японцев, ласкаров и малайцев, – повторил дежурный, – какие бы суммы они не предлагали. Я бы советовал вам обратиться в «Бингли».
 - Я не желаю платить деньги только за чужую славу!
 - На тот случай, если вас не устраивают «Бингли» или «Каледония», в китайском квартале, сэр, есть несколько хороших отелей: «Даменлу» и «Новый Маджестик». Туда пускают всех.

– Я не потерплю! – рявкнул джентльмен. – Я не потерплю этих глупостей! Много лет я исследую мудрость Востока, которая многократно превосходит то, что вдолбили вам в голову бездарные учителя, и вы собираетесь селить меня в китайском квартале? Это неслыханно! Вам известно тибетское слово «лама»?

– Да, сэр.

– А вам известно его происхождение?

– Нет, сэр.

– «Лам» по-тибетски означает путь или дорогу, а лама— это Идущий, особый титул богов Египта. Следующий Путем, если пользоваться буддистской фразеологией. Его нумерологическое значение – 71. Вы понимаете?

Монах приоткрыл рот, чтобы что-то сказать, но сдержался и промолчал.

– Не совсем, сэр, – ответил Массимо.

– Хорошо, зайдем с другой стороны. Посмотрите внимательно на моего консультанта. Скажите, он китаец?

– Нет, сэр.

– Малаец?

– Нет, сэр.

– А может быть, он ласкар из Индии?

– В этом я не могу быть уверен, сэр.

– Зато я уверен! Да будет вам известно, что граница между Индией и Тибетом протекает по водоразделу Тибетского нагорья. И Тибет – это все, что севернее великого хребта!

Так понятно?

– Не совсем, сэр.

– Ласкары – это индусы. А мой консультант родился на-много севернее. Почтенный Лобсан, где вы родились?

– В Бурятии, – сказал монах. – Это возле Байкала.

– Вот видите! Взгляните на карту, взгляните. Вот она, на стене висит. Вот Индия, где ласкары. А вот Тибет. Что вам непонятно?

– Простите, сэр, но разве озеро Байкал расположено в Тибете? – дежурный уже ничего не понимал.

– Разумеется, нет. Но это и не важно. Главное, что мой консультант – тибетский монах. Вы же не Байкал селите, а моего консультанта! Давайте, записывайте.

– Мне надо уточнить, сэр.

– Валяйте. Покажите мне место в ваших правилах, где запрещено селиться тибетским монахам.

Дежурный достал книжечку в кожаном переплете и посмотрел на нее. Махнул рукой и спрятал обратно. Даже не открыл.

Потом развернул регистрационную книгу.

– Пожалуйста, господа. Ваш номер – четвертый.

Джентльмен записался, как сэр Саймон Алистер Кроу, литератор. А его спутник (как оказалось, он умел по-английски и писать) – как Лобсан Сэнгэ Сумати, монах (будд.).

Оказавшись в номере, джентльмен снял пиджак, стара-

тельно расправил его на вешалке, а потом с облегчением рухнул на кровать.

– Что за проклятый город! – пробурчал он, глядя в потолок. – И как тут душно. Лобсан, откройте окно! Хотя нет, не открывайте. Там тоже душно.

– Я хотел бы уточнить, – заговорил монах, – что вы неверно перевели тибетское слово «лама». Дословно оно означает «выше нет». Это титул духовного учителя, а не просто йогина-последователя дхармы.

– Воздух спертый, архитектура уродлива, люди с печатью вырождения на лицах, – бормотал Кроу. – Нет, англичанину здесь жить положительно невозможно! И зачем тащиться в такую даль? Не проще ли умереть на родине?

– Я полагал, что вы вернетесь в Англию, – сказал Лобсан. – В Калькутте вы тоже жаловались на климат.

– К сожалению, это для меня невозможно, – джентльмен закинул голову и глядел в низкий белый потолок. – Они идут по моему следу и хотят нанести мне последний удар. А у меня нет ни сил, ни денег, чтобы им ответить. И все это сейчас, когда наступил новый эон – эон Гора! Послушайте, почтеннейший, – сэр Кроу ослабил галстук, – вы не знаете, когда станет свежее?

– Один тайский тхеравадин рассказывал мне, что здесь, на экваторе, погода почти никогда не меняется.

– О боги!..

Новичку-северянину очень непросто переносить климат

Сингапура. Лобсан не ошибся – город стоит почти на экваторе. Очень жарко и влажно, ходишь как по теплице. А здешние дожди – это сплошная стена из воды, под ними мгновенно промокнуешь насквозь.

– Место, конечно, оставляет желать лучшего, – Кроу сел, – Дайте руку, мне встать надо. Да, конура еще та. Но как приятно увидеть знакомую мебель! Может, в этом и есть гений Британской империи? Куда бы ты ни приехал – в Коломбо, Мадрас, проклятую Калькутту или Сингапур, – ты как дома. Одни и те же язык, газеты, книги, мебель. Даже церкви, – оккультист бросил презрительный взгляд в окно, где вздымался восьмигранный готический шпиль кафедрального собора святого Иосифа, – Только вот климат перевозке не поддается... Смотрите-ка, Британская энциклопедия! Какая забота о досуге постояльца!

Кроу опустилсЯ в тростниковое кресло и раскрыл толстый фолиант.

– Посмотрим, что сообщают. Итак, торговый оборот Сингапура, почтеннейший Лобсан, – это 332 с половиной миллиона долларов. Конечно, не фунтов, но сумма приличная. Из них 18 миллионов – вывоз жести. Половина всей жести мира производится в Сингапуре. И оборот постоянно растет. Это старое издание, сейчас он мог вырасти и вдвое, и втрое! Помимо жести и консервированных ананасов отсюда вывозят перец, лак, сало, кожи. И колоссальный транзит всего на свете, от каменного угля до керосина. Порто-франко для всех

грузов, кроме вин, пива и опиума, который и так приносит достаточно дохода... Да это же золотое дно, почтенный Лобсан! В этой душной оранжерее крутится больше денег, чем на Клондайке!

Сэр Саймон полез во внутренний карман и достал кожаное портмоне с серебряной застежкой.

– Лобсан, скажите, у нас еще остался бренди?

– Нет.

– Это огорчает, – Кроу отложил энциклопедию и поднялся, уже без посторонней помощи, – Отель так себе, конечно. Но по-своему уютный. Даже сбегать не хочется... Почтеннейший, дайте мне Singapore Herald. Надо узнать, где собираются люди, которые любят поговорить о йоге и не работать... Ага, все верно. Похоже, здешнее отделение Теософского общества получает неплохие пожертвования. Снять целый флигель Городского клуба – как вам такое, почтеннейший? Уверен, они прилично платят за лекционные курсы. Особенно если привести живого тибетского монаха. Китайские и индийские монахи, судя по Британской энциклопедии, в Сингапуре есть и так... Какие у вас планы на вечер?

– Я пойду в индийский квартал, – Лобсан тоже поднялся.

– Простите, я не с вами, – Кроу снова облачился в пиджак, подтянул галстук и примерял перед зеркалом шляпу-котелок, – хватит с меня жертвенного риса. Я, хвала богам, пока еще не монах. Я сейчас в «Бингли» – ужинать и разведывать. Буду, как стемнеет. Ключ оставлю дежурному. Если он по-

пытается вас не пустить – можете избить его от моего имени.

Отель «Бингли» выглядел точь-в-точь как на открытках. Трехэтажное белое здание с арками на первом этаже обсажено изящными зонтичными пальмами. На псевдоантичном фронтоне горят тонкие буквы названия.

В тени возле парадного входа расставили обеденные столики. Кроу подошел, с достоинством снял котелок и осмотрелся. Здесь никого.

Он пересек холл, устланный персидскими коврами, и кивнул дежурному.

– Тут остановился мой приятель, – пояснил Кроу, – Я пришел, чтобы навестить его за ужином.

– Скорее всего, он в бильярдном, сэр. Вот в эту дверь, пожалуйста.

В бильярдном как раз обсуждали последние новости. Дело шло к скандалу.

– Вот увидите, – повторяла португалка, – эти коммунисты не остановятся. Они будут пытаться разрушить любое государство, куда проникнут. Вспомните, как это было в России, Финляндии, Баварии, Венгрии, Мексике... Они опять развязывают гражданскую войну. Будут убивать священников, громить монастыри. Это просто ужасно! Я никак не возьму в толк, почему папа до сих пор не объявил против них крестовый поход. Я уверена, синьор Муссолини поддержал бы это славное начинание.

Португалка сегодня была особенно хороша. Высокие скулы и чуть-чуть раскосые карие глаза изумительно гармонировали с тщательно уложенной прической. А на смуглые плечи наброшена тонкая алая шаль.

– Послушайте, не надо нести чушь, – покрасневшийся мексиканец Хосе де ла Торре проглотил пиво и отставил бокал. – Восстали не коммунисты, а как раз фашиствующие генералы, поклонники Муссолини. А правительство Народно-го фронта избрано испанским народом через всеобщее голосование. Точно так же Народный фронт победил на выборах во Франции, сеньор Шовен может это подтвердить.

– Да, – француз закусывал коньяк шоколадом, – есть у нас Народный фронт. Такие же дураки и мечтатели. У нас таких стало слишком много, – издержки всеобщего образования. Бретейль все правильно про них пишет: с них бы сталось вернуть Лотарингию из сочувствия к немецким рабочим. Вот увидите: французское правительство очень огорчится по поводу мятежа, но помогать не станет.

– Народному фронту Испании достаточно поддержки народа!

– Народному фронту Испании недостаточно даже поддержки Народного фронта Испании. Это просто смешно. Допустим, генерал Санхурхо – националист, и поэтому вам не нравится. Но разве мятежные генералы из сегодняшних новостей не принадлежали Народному фронту? Генералы Кей-по де Льяно, Мигель Кабанельяс, Антонио Аранда... Разве

не их вы нам расхваливали еще месяц назад?

– Военным доверять нельзя, – мексиканец глядел сурово. – Мы, мексиканцы, это хорошо усвоили. Каждый лейтенант хочет стать генералом, а каждый генерал – диктатором.

– Вот увидите, ваш Народный фронт ничего им не сделает, – продолжал француз. – А когда начнется во Франции – а во Франции начнется, будьте уверены, – настоящим патриотам не потребуется даже стрелять. Какой-нибудь настоящий француз вроде маршала Петена просто разгонит этих великовозрастных гимназистов по дачам в Провансе. А те из Фронта, кто поумнее, сразу отрекутся этих недоумков. Я не могу себе представить, чтобы Камиль Шотан верил в восьмичасовой рабочий день и прочие изобретения фурыеристов.

Мексиканец сжал кулак. Коридорный и управляющий подались вперед, уже готовые пресечь драку. Де ла Торре вскочил, схватил широкополую белую шляпу и выбежал прочь.

– А мог и раствориться, – заметил Субботин, – как армянин из восьмого номера.

– Вы помните русскую революцию? – осведомилась португалка.

– Да, конечно, – управляющий кивнул китайцу-бармену, чтобы налили и ему. – Было очень весело.

– Кстати, и правда, что с этим загадочным гостем? – поинтересовался Шовен. – Вы говорите, он исчез? А за номер хотя бы успел заплатить?

– Я полагаю, он не успел. Потому что исчез бесследно и из

запертой комнаты. Просто какой-то Гастон Леру, не правда ли, месье?

– Надеюсь, у вас уже есть на примете отважный журналист Рультабий, который раскроет эту тайну?

– Пока нет. Но мне представляется, тут замешана магия.

– Похоже, кто-то заколдовал ваш отель, – произнес немец. – Сначала девочка-медиум, потом постоялец с волшебным колокольчиком. И вот постоялец исчезает. Мне уже кажется, что сингапурский отдел Теософского общества собирается не по адресу.

– А вы не пробовали обратиться за помощью к Авагдду? – спросила португалка. – Возможно, ее духовное зрение поможет раскрыть тайну?

– Я заходил к ним, – Субботин поставил стакан и показал, что надо повторить, – но она помочь не может. Старый Эмброуз сказал, что пока ничего не выходит. Слишком сильный магический удар, девочка слегла. Если и начнем розыски, то только после выступления в Теософском обществе. Окультиные силы становятся все влиятельнее.

– Именно так, – провозгласил Кроу. – В новом эоне магия становится открытой. И поэтому она так опасна в неумелых руках.

Кроу возвышался над собравшимися, как темный утес. И глядел с таким видом, словно позировал для портрета.

Китаец закончил смешивать и подал сингапурский кок-

тейль в бокале на высокой ножке.

– Меня заинтересовала ваша беседа, – произнес сэр Саймон. – И, кажется, я могу вам помочь. Большую часть своей жизни я посвятил изучению оккультных наук. К сожалению, я не могу сообщить вам моего настоящего имени. Мои исследования и открытия затронули интересы некоторых влиятельных организаций, в частности, ордена иезуитов. В этом городе я называю себя сэром Саймоном – давайте на этом остановимся.

– Вот видите, господа, – улыбнулся Субботин, – еще одно чудесное совпадение! Сэр Саймон К., если я не ошибаюсь?

– Вы меня знаете?

– Разумеется.

– А может, вы состоите в некоем тайном обществе? – Кроу прищурился.

– Состоял в нескольких. Давно, еще в Монголии. Но о вас узнал, как все простые смертные, из газет. Кажется, полгода назад в Калькутте вы распутали одно удивительное дело. И у вас, спиритуалиста сэра Саймона Алистера К., даже взяли несколько интервью.

– Ах, дело Золотого Мангуста, – Кроу улыбался. – Кажется, это было сто лет назад. Случались и другие приключения, и на них я порядком поиздержался. Вы позволите?

– Разумеется.

Кроу сел за стол к игрокам.

– Вы говорили, что в отеле произошло некое загадочное

происшествие. Кажется, один из постояльцев исчез.

– Именно так, – сказал Субботин. – Все началось вчера вечером, когда выступала девочка-медиум. К сожалению, театр сейчас ремонтируется, поэтому она показывала, что умеет...

– Не стоит, не стоит повторять подробности. Мне прекрасно известна история несчастной Авагдду. Как вы, наверное, догадались, она не единственная девочка, наделенная подобным даром. Просто ее дар настолько силен, что она может без опаски выступать на публике. Ведь вам известно, что тайные организации ведут за ними охоту, и даже самому опытному магу непросто уберечь жизнь такого ребенка.

– Как вы думаете, Теософское общество сможет ее защитить? – осведомился немец. – Там есть, я слышал, несколько очень известных практиков.

– Теософское общество может обеспечить ей некоторую известность, – Кроу наклонил голову и заговорил тише. – Я надеюсь, господа, ни для кого не секрет, что в наше непростое время практически все по-настоящему могущественные маги находятся на государственной службе. Так, именно ваш соотечественник Папиус, – сэр Саймон кивнул в сторону француза, – состоял при военном ведомстве. Именно он пришел на помощь русскому царю во время ужасного мятежа 1905 года и спас монархию от гибели. Однако позже царь пошел на поводу у мошенников от оккультизма, которых тоже немало, удалил от трона людей с подлинными по-

священниками и сделал личным магом шарлатана Распутина. И монархия пала! Точно так же, как ошибка в одном-единственном слогое может разрушить заклинание, неверный выбор наставника может вызвать самые пагубные последствия!

– Я помню, несколько лет назад ходили слухи, что за убийством предсказателя Лаузентака стоят коммунисты, – сказал немец. – Якобы он собирался передать обществу Туле документы, связанные с тайнами Красной Каббалы.

– Это может быть правдой, – сказал Кроу. – Темные маги особенно сильны в современной Германии. Герман Вирт – настоящий злой гений этой банды. В то же самое время против подлинных посвященных устраивают террор. Я не могу излагать всех подробностей. Один-единственный пример: мой друг Карл Гермер был брошен в концлагерь только за то, что состоял со мной в одном ордене! Вы можете представить себе такое в Британии? Во Франции? Даже в Японии? А ведь Германия – одно из самых могущественных государств современного мира и родина множества магических традиций. Вам, надеюсь, ясно, какая катастрофа произойдет, если ее ресурсы и тайные знания окажутся в руках этих самовлюбленных мошенников?

– Как, по-вашему, они влияют на фюрера?

– Фюрер не может за всем уследить. Он, насколько мне известно, не разделяет бредовые построения Вирта. Но у этого негодяя и так достаточно союзников, особенно среди гене-

ралов. Его агент Фредо Марвелли обещал Гиммлеру поставить на службу хозяину всех сколько-нибудь серьезных магов Германии и стереть в пыль тех, кто откажется. С этими мерзавцами нельзя не считаться. Им удалось разделаться с самим Рудольфом фон Зеботтендорфом, а у старого розенкрейцера были, как известно, весьма серьезные посвящения. Не следует забывать – с ростом могущества техники растет и могущество магии. Волшебный меч короля, конечно, впечатляет, но только задумайтесь, что можно устроить с помощью волшебного танка? И смею заверить вас, господа, эти вопросы сейчас – в фокусе внимания нашего адмиралтейства!

– А вы с этим тоже как-то связаны? – осведомился управляющий.

– Разумеется. Я там работаю. Внештатный советник по вопросам натурфилософии. К сожалению, это все, что я могу сообщить.

– Впечатляюще, – произнес американец, – После таких разговоров даже карты страшно брать. С настоящим магом никогда и ни в чем не можешь быть уверен.

– Напротив, – улыбнулся Кроу, – именно магия и дает уверенность. Ничто не скрыто от овладевшего тайными знаниями. Возможно, это малоизвестно широкой публике, но в XIX веке Франция вела две магические войны, и обе прошли очень успешно. Все по-настоящему компетентные знатоки современного военного дела согласны в том, что мы,

можно сказать, возвращаемся в эпоху, которая предшествовала войнам классической древности. Война будущего будет войной магов!

IV. Друид из Ист-Энда

– Я думаю, вам стоит взяться за это дело, – сказал Субботин уже наедине. – Мне не очень важно, найдете вы его или нет. Мне просто нужно как-то объяснить владельцам отеля, что здесь, черт возьми, произошло. А еще непонятно, что с мистером Джексоном. С каких это пор американцы знают такие тайны, которых не знаю даже я?

Они успели обсудить, что в полицию обращаться бесполезно. Исчезать никому не возбраняется. Невозможно признать человека пропавшим без вести только потому, что он исчез из запертой комнаты.

– Мне потребуется номер в отеле. И аванс. Без ритуалов такие дела не делаются.

– Насчет номера я должен связаться с хозяевами. Вы же знаете, китайцы ужасно въедливы. И уточню насчет аванса. Пока могу предложить вам пятьдесят фунтов.

– Пятьдесят фунтов? За магическое расследование?

– Да.

– Мне? Штатному магу Британского адмиралтейства?

– Ну да. Поймите, у меня все равно нет больше. Я не могу залезть в кассу....

– Это возмутительно!

– Я понимаю. Я буду говорить с хозяевами...

– Это нелепо!

– К сожалению, проблема еще не разрослась настолько, чтобы они забеспокоились, и...

– Это абсурд! Но я согласен. Давайте ваши пятьдесят фунтов.

После бесплатного сингапурского коктейля еще сильнее хотелось есть. К счастью, нашелся и повод.

Керридвен и Гвион ужинали на веранде. Девочки с ними не было. Зато был смутно знакомый человек с огромной, тщательно расчесанной белой бородой и усами, лихо закрученными лодочкой. На голове у бородача – клетчатый берет, в котором определенно было что-то мистическое.

На ужин сервировали французскую кухню – насколько это возможно в тропиках.

– А я вас узнал, – бородач улыбнулся и расцвел морщинами, – хоть и не ожидал здесь увидеть.

Кроу плюхнулся на стул и дал официанту понять, что нужно добавить порций.

– Я вас припоминаю по Лондону, – сказал он, – Видел, но не могу вспомнить. Простите. Я сильно болею, память порой отказывает.

– Давайте попытаемся вспомнить. Эмброуз Аурелианус...

– Мирддин? Вы?

– Я, – бородач опять улыбнулся, – А это леди Керридвен МакМеган. И Гвион Бах из Лланфер-Керейнион, графство Поуис. Северный Уэльс, земля бардов.

– Рад знакомству, леди. И очень рад знакомству с вами, молодой человек. Что касается меня, в этом городе я живу как сэр Саймон Кроу. И предпочту называться этим именем.

Гвион тряхнул волосами и улыбнулся. Кроу подумал, что из мальчишки определенно выйдет толк. Вот бы взять его в ученики. Такой артистичный далеко пойдет.

– Вы будете на нашем выступлении в Теософском обществе?

– Разумеется, буду, – Кроу накладывал себе всего и побольше, – Вот увидите, здешние искатели древних истин относятся к делу серьезней, чем лондонские. В столице люди заняты только интригами. Те, кто хочет знать Восток, едут на Восток. В далеком 1905 году я отправился в Египет, чтобы самолично проникнуть в тайны нового эона. И получил откровение, которое оказалось, увы, слишком непосильным для наших с вами современников. Впрочем, вы его читали.

– Читал, разумеется. Но мы с этим не работаем. Нас, как вы помните, интересует исключительно кельтская традиция. Наши подлинные знания, уничтоженные христианским потопом. Те тайны, что открыл миру несравненный Иоло Моргануг.

– Это тоже очень интересно, – Кроу вывалил на хлеб весь паштет из вазочки, – Кстати, а где ваша девочка?

– Авагдду не может выходить на публику, – произнесла Керридвен, – Во-первых, по причине ее изъятий. Во-вторых, здесь очень плохие флюиды.

Кроу мысленно не согласился с девочкой. На веранде ему нравилось. Дул слегка освежающий ветерок, а совсем рядом, за оградой отеля, начинался пляж.

– Вы слышали о пропаже постояльца из восьмого номера? – спросил он.

– Да. Видимо, это связано с нашим выступлением.

– Я так не думаю.

– Вот как?

– Со мной вы можете быть откровенными, – улыбнулся Кроу, – С недавних пор даже наши продажные политики начинают понимать условия нового эона и снова, как в золотую эпоху Стюартов, привлекают магов на государственную службу. Уверен, человек со способностями Авагдду может принести немало пользы Британии. Например, можно проверять служащих казначейства и военных ведомств. В наше время от канцелярии зависит так много, что один шпион может нанести больше урона, чем целая эскадра.

– Да! Да! – кивнул бородой Мирддин. – Госпожа Керридивен советует нам то же самое.

Он с опаской посмотрел на рыжую, но ведьма продолжала есть, словно ничего и не слышала.

– Мы готовы помогать Англии, – продолжал бородатый, – хотя от убеждений не отрекаюсь. Уэльс будет свободным. Но мы согласны на автономию.

– Для меня это не особенно важно.

– Это важно для нас. Как вы, наверное, слышали, я был в Национальной партии Уэльса. И не на последних ролях. Я бывший председатель фракции друидов! Вы понимаете?

– Понимаю. Но мало о вас слышал.

– Скоро вы услышите о нас очень много, – грустно заметил бородач, – Когда наш председатель напомнил, что Гитлер быстро выполнил свое обещание и полностью уничтожил финансовое засилье евреев в немецкой экономике, над нами стали издеваться во всех лондонских газетах. Конечно, можно и выйти из партии, но разве Комитет обороны Британской империи в этом убедишь?

– А зачем его в чем-то убеждать?

– Потому что мы хотим на них работать.

– А...

– Но с Авагдду я выступаю не как политик, а как консультант. К тому же не будем забывать и об известных предрассудках, которые питают потомки империалистов англосаксов к коренному населению Британии. Жителя Уэльса воспринимают всерьез, только когда он ведет себя как британец. И вот, с моим прошлым, пусть я всего лишь скромный исследователь...

– Прошлое – ерунда, – отрезал Кроу, – Эон прошел, наступает новый. Я вот как-то лет двадцать назад провозгласил независимость Ирландии.

– Магически?

– Отчасти. Дело было в Нью-Йорке. Разгар Великой вой-

ны. Это заметили только журналисты.

– И вас после этого взяли на государственную службу?

– Именно так. Им не нужны чистые. Им нужны те, кто идет до конца.

– Мы собираемся предложить услуги Авагдду именно военной разведке, – сказала Керридвен, – Если сказать точнее, второй секции.

– Но ведь всем, кто читает газеты, известно, – заметил Кроу, – что в военной разведке нет второй секции. Как нет и четвертой.

– Именно поэтому мы и собираемся предложить им свои услуги.

– А что именно вы продаете?

– Вам известно, в чем состоят способности Авагдду?

– Известно. По моим каналам.

– Авагдду может выводить на чистую воду не только клерков-шпионов. Например, под сомнением верность многих вассалов Империи. Все эти раджи и султаны не забыли, что когда-то были независимыми государями. И в глубине души готовы продаться кому угодно.

– Это так. Смеею заметить, единственный вассал, которому мог бы доверять король Эдуард, – это принц Уэльский. Но пока его величество продолжает оставаться принцем Уэльским, ему не на кого положиться.

– Весьма остроумно. Мы собираемся предложить Британ-

ской Империи услуги по чтению таких союзников. Обычно человек не решается признаться даже себе. Однако предательство уже свило гнездо в его сердце. С помощью таланта Авагдду мы сможем выводить их на чистую воду.

– Ага! Закуем в кандалы, возьмем за руки и будем читать, – провозгласил Гвион, – А если особа коронованная, кандалы будут золотые.

Парнишка уже расправился с десертом.

– Ты прав, Гвион, – кивнул клетчатой кепкой Мирддин, – Золото – отличный ретранслятор флюидов. Но, как вы, наверное, догадались, сэр Саймон, золотые оковы стоят немало. И будет лучше, если заплатит за них казначейство.

– Я вижу, ваш молодой человек делает большие успехи, – Кроу полез во внутренний карман, – Позвольте подарить ему мою последнюю книжку по магии. Она вышла под псевдонимом, так что мое инкогнито не будет нарушено.

Ему и правда нравился мелкий Гвион. Хотелось уберечь парнишку от нагоняя за то, что влезает в разговор взрослых.

– Гвион, можешь взять, – сказала Керридвен, – Скажите, эта книга не очень опасна?

– Для свободных умов – нет.

– Гвион, в этот раз ты должен быть аккуратней. Чтобы не было, как с той книжкой Элифаса Леви. Кого ты в прошлый раз вызвал, что даже крыша загремела?

– Блодьювед, тетушка Керридвен. Ее звали Блодьювед. Кроу поднялся.

– Благодарю за информацию, господа. Было очень вкусно. А сейчас я вынужден вас покинуть. Веду расследование, надо осмотреться.

Он отправился к пальмам как можно непринуждённое. Пятьдесят фунтов остались нетронутыми.

Кроу разглядывал зонтичные пальмы. Они ничуть не изменились с тех пор, как он в прошлый раз путешествовал по Ост-Индии.

Сэр Саймон уже осмотрел и окно восьмого номера, и небольшой сад, и закрытый на ремонт театр. Никаких зловещих знаков, символов или людей. Словно ты не на загадочном Востоке, а в великосветском и унылом Брайтоне.

Кроу опирался на пальму и вытирал бороду платком. От влажной духоты мутило. А может, это подействовал сингапурский коктейль на голодный желудок?

Внимание зацепилось за здание на другой стороне улицы. Оно напоминало одно из колониальных учреждений – каменные корпуса с высокими окнами и декоративная ограда, обросшая виноградом. С заднего двора доносились крики детей и удары мяча.

Похоже, какая-то престижная школа – вроде Итона, но на сингапурский манер. Что в ней учатся китайцы, это тоже не сильно удивило. Раз китайцев стали селить в «Бингли», значит, их теперь можно учить в Итоне.

А впереди, на ограде, сидел китаец в школьной форме и

с биноклем на шее. Китаец увлеченно делал вид, что читает книгу и помечает карандашом. Но постоянно поглядывал в сторону «Бингли» и забывал переворачивать страницы.

Школьник-китаец пока не делал ничего странного. Но в магии, как на войне и в любви, нужно атаковать первым.

Сэр Саймон оторвался от пальмы, встал в позицию и сделал несколько пассивных шагов, накапливая энергию. Надо поставить печать на китайца. На всякий случай.

Но пальцы свело судорогой. Он потерял пальцы, снова развел руки, но тут в голове словно лопнул жирный пузырь.

Оккультист захрипел и повалился на сухую горячую землю. Голова кружилась. Он закрыл глаза, собрал все волю, перевернулся и снова разлепил глаза.

Подозрительный школьник стоял прямо над ним.

В руке у китайца был нож.

V. Соглядатай

– Вам нужна помощь, сэр? – спросил китаец. – Я могу разрезать галстук.

Он говорил по-английски даже слишком правильно.

– Не надо, – отозвался Кроу, – Я и в галстук полежу. Спрячь, пожалуйста, нож. Он меня раздражает. И встань на полшага левее, мне солнце в глаза бьет.

Школьник подчинился.

На вид ему было лет четырнадцать. Безукоризненно подстриженные волосы, приглаженные на правый пробор. Белые, отутюженные и хрустящие рубашка и шорты, словно пять минут как из стирки. Сверкающие ботинки вязнут в жирной земле.

На шее – огромный морской бинокль.

– Простите меня за то, что не представился, сэр. Меня обычно называют Гарри Ли. Вот это – моя визитная карточка.

Кроу со второй попытки взял картонный прямоугольник. Пальцы еще не слушались. На картонке было пропечатано:

Гарри Ли

(Кван Ку Ли)

Гимназия Стемфорд

учащийся

– Сам делал?

– Да, сэр.

– Зачем?

– Я полагал, сэр, что визитная карточка может мне пригодиться.

– И где она может пригодиться?

– К примеру, она пригодилась мне только что, сэр.

Кроу рассмеялся.

– Ты не пропадешь, парень. Говорю, не пропадешь.

– Простите, сэр, а можно ли узнать, с кем имею честь общаться?

Сэр Саймон Алистер достал паспорт, вытащил из-под обложки справку внештатного советника и протянул. Школьник почтительно изучил и вернул.

– Пока я в городе, называй меня сэр Саймон, – предупредил Кроу, – Фамилию лучше вообще не упоминать. Враги идут за мной по пятам.

– Насколько они влиятельны, сэр?

– Настолько, что им удалось наложить арест на положенное мне жалование.

– Возможно, это прозвучит странно, сэр, но до сегодняшнего дня я не знал, что в Британском адмиралтействе есть штатные маги-советники, которые состоят на жаловании.

– Ничего удивительного. Есть штатные капелланы – должны быть и штатные маги. Дай руку!

Он схватился, поднялся и сел. Школьник протянул ему котелок.

– Значит, учащийся, – сэр Саймон Алистер выдохнул и помотал головой, – Почему ты за мной наблюдаешь? И знаешь ли ты, за кем ты осмелился наблюдать?

– Мне показалось, сэр, что вы похожи на частного детектива, которому поручено расследование. И я решил поделиться с вами некоторыми соображениями. Дело в том, что я уже неделю наблюдаю за отелем. Мне кажется, что результаты моих наблюдений могут быть полезны в вашем деле.

– Говори проще, ты не на уроке, – Кроу уселся поудобней, спиной к пальме, – Давай, рассказывай, что ты там высмотрел. Хотя нет, что высмотрел – это потом. Сначала расскажи, почему ты начал высматривать.

– Это началось совершенно неожиданно, сэр. Дело в том, что у нас в гимназии имеется кружок радиолобителей. И по чистой случайности нам удалось поймать целый ряд довольно странных сигналов.

– Переговоры контрабандистов?

– Не совсем. Это бессмысленные сами по себе наборы латинских букв и цифр. Единственный фрагмент, который повторяется почти при каждом сеансе связи – WDHL1. Как правило, ближе к концу. Вы же понимаете, что это значит?

– Пока нет. Продолжай!

– Каждый сеанс происходит вечером, после ужина. Не каждый день, два-три раза в неделю. Но если в порт заходит

хотя бы один военный корабль – можете быть уверенным, сеанс будет!

– Неплохо. Похоже на что-то шпионское.

– Вот именно, сэр. Мы решили запеленговать передатчик. Это оказалось сложнее, чем мы думали. Но нам удалось. Ошибки быть не может. Радиопередачи ведутся из отеля «Бингли»!

– Просто невероятно. Я надеюсь, вы сообщили в полицию?

– Нет, сэр. Мы сообщили в контрразведку.

– И что вам сказали?

– Нам сказали, что этого недостаточно, сэр.

– И вы начали следить за отелем, чтобы опознать шпиона?

– Совершенно верно, сэр. К счастью, это можно делать, не отвлекаясь от занятий.

– Молодцы, ребята. Сделали за меня половину работы. Напомните, чтобы я купил вам конфет и мраморных шариков.

– Мы делаем это не ради шариков, сэр. Вам знакомо творчество Джорджа Хенти?

– Это который про мальчиков-рыцарей пишет?

– Я читал его роман «С союзниками в Пекин», сэр. Вы читали этот роман?

– В каком году вышел?

– В 1904, сэр.

– Значит, не читал. В том году я был занят в Египте – по-

лучал откровение. Не следил за приключенческой литературой.

– Так вот, сэр, в этом романе сказано, что школьник из числа подданных Британской империи, которые поймают шпиона, получает королевскую стипендию для обучения в Кембридже. Вы случайно не обучались в Кембридже, сэр?

– Как же, обучался!

– Вы помните, сэр, были ли там студенты, получавшие эту стипендию?

– Понятия не имею. Скажу тебе, парень, нынешний Кембридж совершенно бесполезен. Там совсем не учат тайным наукам.

– Я хотел сказать, сэр, что крайне заинтересован в получении этой стипендии. К сожалению, в контрразведке тоже ничего про нее не знают. Единственное, что смог сообщить лейтенант Блэр, – за поимку шпиона одной из великих держав положена единовременная премия в размере десяти тысяч фунтов.

– Стоп! Повтори, сколько за шпиона дают?

– Десять тысяч фунтов, сэр.

Кроу положил котелок рядом и задумался. Потом произнес:

– Двадцать процентов.

– Что вы имеете в виду, сэр?

– Когда мы поймаем шпиона, двадцать процентов – твои. Двух тысячи фунтов тебе хватит?

– Тридцать процентов, сэр.

– Что?

– Я полагаю, что мне хватит не меньше трех тысяч фунтов. У меня есть брат и сестра, им тоже нужно оплачивать образование. Сверх того, другие участники радиокружка...

– У тебя кто родители?

– Я не понимаю, сэр.

– Чем у тебя родители занимаются?

– Мой отец – хозяин магазина фарфора, сэр.

– Знаешь, это заметно. А что ты хочешь изучать в Кембридже?

– Юриспруденцию, сэр.

– Это еще заметней. Итак, начинаем расследование. Ты готов?

– Да, сэр.

– Ты видел вчера армянина?

– Мне нужно задать вам вопрос, сэр. Без ответа мы вперед не продвинемся.

– Давай, задавай.

– Вы согласны на тридцать процентов, сэр?

Кроу окатил его взглядом, каким можно сварить гуся.

– Да! – гаркнул он. – И хватит об этом! Отвечай – ты видел вчера усатого человека в белом костюме?

– Да, сэр. Он был новый постоялец, я сразу обратил на него внимание. Он двигался удивительно ловко для своего возраста.

– Правильно ли я понял, что радиопередачи начались задолго до его заселения?

– Именно так, сэр.

– Хорошо. Чем же занимался этот усатый?

– Он заселился около полудня, сэр. Примерно через час он вышел на улицу без чемодана, но с тростью. И отправился в город, в сторону отеля «Орандж». Я полагаю, он собирался посетить Ботанический сад.

– Ты видел, как он вернулся?

– Нет, сэр. Мне надо было уходить домой. Видимо, он вернулся сравнительно поздно.

– Хорошо.

– Вы думаете, он связан со шпионом, сэр?

– Нет. Я знаю, что он никак не связан со шпионом. Дай руку еще раз. Ага, хорошо! Молодец. Продолжай наблюдение. И не забывай докладывать. Сам понимаешь: упустим шпиона – не видать нам десяти тысяч!

Вечер в большом семейном номере, который снимают Керридвен с подопечными, идет своим чередом. Все собрались в задней комнате, а холл пустует. На это есть своя причина.

Гвион за столом у окна и делает уроки. Агата уже расправилась с ужином, но ей все равно не до занятий.

– Гвион сделает уроки за меня, – заявила девочка.

– Агата, я могу не успеть. Завтра нам нужно отослать все

задания за последний месяц.

– Мне надо готовиться к выступлению.

– Но мне тоже надо готовиться!

– Тетушка Керридвен!

– Гвион, ты сделаешь уроки за нее, – сказала Керридвен.

– Но я могу не успеть!

– Гвион, ты сделаешь уроки за нее так, чтобы успеть.

Спорить с тетужкой бесполезно. С Агатой тоже. Гвион начинает подозревать, что это правило распространяется на всех женщин.

Агата расставила ширму и подбирает платье для выступления в Теософском обществе.

В зеркале отлично видно, что на ее лице нет ни ожогов, ни шрамов. Она очень похожа на двоюродного брата, только на год старше и выражение лица почти всегда недовольное.

– Они нас раскроют, – произносит она, – вот увидите, тетужка Керридвен!

– Агата, успокойся, – произносит Керридвен.

– Я не могу успокоиться!

– Это хорошо, что ты не можешь успокоиться. Поверь старой актрисе – если перед выступлением не страшно, с театром можно заканчивать...

Рыжая ведьма сидит за угловым столом, сортирует бумаги. У нее целая стопка именных приглашений, которые надо подписать.

– Тетушка Керридвен, как ты думаешь, может, мне хал-

дейское надеть? – Агата все выбирает и выбирает.

Мирддин в своем углу бормочет над разохшимся томом сочинений Иоло Моргануга. Клетчатый берет он так и не снял. Старый друид снимает берет только перед сном.

Серые конверты почтовой школы обступают Гвиона, словно вражеские полки. За Агату он пишет черными чернилами и девчоночьим почерком. С французским это несложно, а вот решать геометрию и не забыть о наклоне букв – совсем другое дело!

Наконец все сделано. Теперь надо рассортировать задания по конвертам. Гвион все больше уверен, что в почтовой гимназии давно догадались, что задания делает один человек, и через несколько лет пришлют им совершенно одинаковые аттестаты, только написанные разными чернилами.

В памяти всплыло вчерашнее происшествие. Он точно так же сидел за столом и смотрел в сад вместо того, чтобы делать уроки. Не было ни ветерка, и пейзаж за окном казался большой темной фотографией.

И вдруг что-то заблестело. Гвион пригляделся и увидел струю воды. Она била из окна восьмого номера.

Он приподнялся и уже хотел открыть окно, чтобы лучше рассмотреть, но спустя буквально пятнадцать секунд струя иссякла, и внизу закрылась рама окна. Мальчишка успел заметить, что свет в этом окне не горел.

Через несколько минут показался знакомый Гвиону коридорный-буддист. Осмотрел лужу и ушел.

Жаль. Похоже, струю не заметил никто, кроме Гвиона и коридорного. Ее можно бы было вставить в какой-нибудь номер.

Сегодня во время завтрака он успел выяснить, что в восьмом номере жил тот самый усатый незнакомец, который чуть не сорвал представление. И вот он исчез... Очень подозрительно! Но в представление все равно не вставишь.

Конверты готовы. Завтра он понесет их на почту и по дороге постарается что-нибудь высмотреть.

В дверь номера постучали. Керридвен поднимается из-а стола, а Мирддин тут же пересаживается поближе к двери задней комнатки. Когда тетушка выходит, он не отрываясь от книги запирает дверь на защелку.

Если гость попытается ворваться в заднюю комнату и посмотреть на Агату-Авагдду, негодяя ждет отпор всеми средствами, включая боевую магию.

А Гвиону предстоит другая работа. Теперь очередь черной папки. Она настолько ценна, что если придут с обыском, Гвион должен кинуть ее в камин первой.

Несмотря на режим секретности, все содержимое папки обошлось в целых два фунта. Это шестипенсовые конверты с астрологическими предсказаниями. Керридвен пачками скупала их по букинистическим лавочкам в окрестностях Лондонского зоопарка.

Работа была такая: конверт разрезаем ножом, достаем прогноз. Все сколько-нибудь интересные предложения, ко-

которые имеют отношение к характеру, выписываем столбиком в гроссбух А. А все, что касается будущего, – в гроссбух В.

Потом Агата заучит их наизусть. Получится готовое описание или пророчество. Останется привязать к нему ключ, и можно начинать выступление. И использованные фразы помечают на полях. Это не значит, что их нельзя будет использовать в другом городе. Просто тетушка Керридвен любит учет во всем.

Знак зодиака жертвы не имеет значения. Все эти фразы объединяет одно – они либо достаточно общие, либо настолько универсальные, чтобы описать любого человека. Каждый человек в ранней юности был неудачно влюблен, стоит на пороге важного решения, считает себя достаточно умным и уверен, что его не так-то легко обмануть. Если в ответи на какую-то из фраз клиент начинает дрожать или дергаться, Гвион это запомнит и поставит напротив удачной находки восклицательный знак.

Каждый раз Гвиону кажется, что в этот раз все сорвется. Но вот уже полгода они скитались по южным морям, и чтения Авагдду неизменно оказывались верны, а пророчества – весьма точными.

- Добрый вечер, мсье Шовен. Чем могу быть полезна?
- У меня к вам конфиденциальный разговор.
- Вы хотите признаться, что родились в Бретани и тайный кельт?

– Нет. Я хотел предупредить, что над вами нависла угроза...

– Заходите, присаживайтесь. Вот на этот стул. Хотите настойки?

– Не откажусь.

– Вот, пожалуйста. Так что это за угроза?

– Речь идет об одном человеке...

Когда с пророчеством закончено, его вкладывают обратно в конверт и кладут в папку. За вечер Гвион обрабатывает двенадцать штук. Мальчишка скрипит чернильным пером и почти хихикает.

После конвертов его ждет гроссбух D. Там кое-что особенное. То, что пригодится на специальном номере для сингапурских теософов.

Когда монах вернулся, Кроу уже сидел в кресле и чиркал карандашом в блокноте.

– Удалось получить аванс за розыск пропавшего постояльца, – сообщил сэр Саймон Алистер.

– У вас есть идея, как его искать?

– Я буду искать его как угодно долго. Хоть до конца эона. А вообще – к черту постояльца! Я наткнулся на золотую жилу. Если дело выгорит, вам, почтеннейший, уже никогда не придется собирать рис. Я уже все подсчитал, слушайте. Итак – в отеле «Бингли» живет как минимум один шпион. А за пойманного шпиона правительство Британии платит де-

сять тысяч фунтов. Я уже все проверил, и из моих расчетов неопровержимо следует, что нам достаточно поймать всего лишь каких-то трех шпионов, и денег будет достаточно, чтобы выкупить поместье, возвести там храм Гора, обустроить подземелье для мистерий Митры и, разумеется, расплатиться с кредиторами. Не беспокойтесь, буддистскую ступу мы там тоже поставим.

– Но сначала нам надо поймать шпиона, – уточнил монах.

– Разумеется. Потом еще одного и еще. Их тут более чем достаточно. Посудите сами, этот город – Гибралтар южных морей, прямо сейчас здесь возводят укрепление, и на оборону идет до двадцати процентов городских доходов... Да шпионы должны тут просто кишеть! А если выгорит, мы замахнемся на большее и будем ловить зловещего доктора Фу Манчу!

– Я не знаю, кто это. Но помню, у вас с ним были личные счета.

– Этот человек возглавляет одно из самых страшных китайских тайных обществ. Но когда мы натренируемся на шпионах, схватить будет не так сложно, как кажется. Во-первых, у Фу Манчу, как известно, зеленые глаза. Китайцев много, но зеленоглазых среди них почти нет. Так что мы легко узнаем его при встрече. Во-вторых, его ищет полиция США, Британской империи и отдельно – детективное агентство Пинкертона. Поэтому нам не придется лично штурмовать его логово. В-третьих, доктор Фу Манчу претен-

дует на звание самого опасного и испорченного человека нашего времени. Но даже лондонские газеты знают (вы их, к сожалению, не читаете): самый опасный и испорченный человек нашего времени – это я! И вот в этом – уж поверьте! – я конкуренции не допущу!

VI. Совратитель и лжепророк

Француз держал бокал, словно стеклянную розу.

– Меня заинтересовала одна деталь вашего представления, – сказал он.

– Я знаю.

– Откуда?

– Авагдду говорит намного меньше, чем ей удастся прочитать. Иначе представления продолжались бы много часов и заканчивались дракой.

– Однако может быть и так, что вы заблуждаетесь. То событие, о котором я хотел вас спросить, произошло уже после того, как девочка меня прочитала.

– Имеете в виду пропавшего усача?

– Вы угадали.

– Я не угадывала. После обеда приходил управляющий. Он тоже хотел знать.

– И что вы ему сообщили?

– Все, что знаем.

Француз достал из внутреннего кармана перстень и показал. Перстень был серебряный, с циркулем на фоне бордового креста.

– Национальная масонская ложа Французский Белый Отряд. Шотландский устав.

– А вы в иллюминатах или розенкрейцерах вы не состо-

ите?

– Нет. Мы серьезные люди.

Лицо ведьмы осталось совершенно невозмутимым.

– Поэтому со мной вы можете быть откровенны, – продолжил француз, – я давно в ордене и видел разное. Насколько я понял, про исчезновение этого человека вы не подозревали. И узнали, что его больше нет, от мсье Субботина.

– Допустим.

– Я бы хотел узнать, что именно увидела Авагдду. То, что колокольчик наделен великой силой, очевидно и для меня. Но что именно она в нем увидела? Что она увидела такого, что не смогла сказать?

– Зачем вам это?

– Это имеет отношение к делам ложи, в которой я состою. Для нас крайне важно, чтобы этот предмет не попал в неправильные руки.

– Она увидела великую силу, которая скрыта в колокольчике. Это чудесно, но неудивительно. Тибетские монахи, в отличие от ирландских, не растеряли связь с родной землей. Они величайшие маги и до сих пор хранят немало тайн, до которых нет дело так называемым академическим ученым.

– Как эта сила выглядела?

– Как выглядела сила?

– Да.

– А как выглядит физическая сила?

– Например, была ли эта сила светом? Или молнией? Или

похожа на дым?

– Не говорите глупостей! Авагдду – ясновидящая, а не сумасшедшая. Она не страдает галлюцинациями.

– Но она же смогла увидеть силу!

– Она смогла ее прочесть. Это разные вещи.

– То есть она не видела силу, а просто определила, что она есть?

– Именно так.

– Как это выглядело?

– Это похоже на понимание слова, – тетушку Керридвен было непросто вывести из терпения, – Например, *gath fach*². Я понимаю, что это значит, а вы – нет.

– Таким образом, вы не знаете, как использовать силу, сокрытую в колокольчике?

– Разумеется. Я не обязана это знать.

– А знает ли это Авагдду?

– Авагдду – ясновидящая, а я – ее антрепренёр и ассистент. За знания у нас отвечает многоуважаемый Эмброуз Аурелианус.

– Спасибо за пояснения, – Шовен спрятал перстень, – это очень важно. Теперь, если позволите, я тоже поделюсь моими знаниями.

– Бесплатно?

– Мадам, я достаточно обеспечен, чтобы не зависеть от перепродажи чужих знаний.

² Современный валлийский: котенок.

– Прошу прощения. На мне как антрепренёре лежат все обязанности, связанные с деньгами.

– Сегодня за ужином вы беседовали с одним примечательным человеком. Он называет себя сэра Саймон К. И иногда, для разнообразия, спиритуалистом.

– Спиритуалистом при мне он себя не называл.

– Разумеется. Он знал, что имеет дело с людьми образованными. И, насколько мне известно, ваш консультант имеет честь быть с ним знакомым.

– Почтенный Эмброуз Аурелианус посвятил свою жизнь собиранию крупиц древнего кельтского знания, уцелевших после христианского террора. Он знаком со многими выдающимися учеными, бардами и путешественниками.

– И какого он мнения о сэре Саймоне К.?

– Исследования сэра Саймона не входят в круг его научных интересов.

– Почтенный мсье Мирддин – настоящий ученый и готов промывать тонны руды, чтобы найти крупицы подлинных знаний. Но я полагаю, что вам, антрепренеру, важно знать с кем вы имеете дело и чем может обернуться помощь со стороны этого «спиритуалиста» в цилиндре.

– Рассказывайте.

– Я не буду пересказывать биографию этого проходимца – он сам ее изложил и даже ухитрился издать. Я листал первый том, там немало остроумного бесстыдства. Если совсем вкратце, этот человек с самой ранней молодости заинтересо-

вался тайными науками. Я удостоверился, что он успел побывать во всех магических орденах Британии. Насчет Уэльса не уверен. И отовсюду его выгоняли. Не за разглашение тайных знаний, не мечтайте. В основном за своеобразное чувство юмора. И разгильдяйство. Один раз он во всеуслышание предложил позвать на собрание ложи... продажных женщин! Хотя все уставы запрещает любой женщине появляться на собрании ложи. Даже горничным.

– Дальше.

– Начитанность и большое наследство позволили ему проникнуть в некоторые масонские ложи. Сначала Шотландский устав. Долго не продержался. Потом Йоркский устав, он мягче. Тоже не продержался. Наконец, нашел ложу устава Мемфис-Мицраим. Он очень либерален, туда даже социалистов принимают. Не скрою, когда я был студентом, тоже начинал с Мемфис-Мицраим. Но даже там наш сэр Саймон не нашел себе места. Его вышвыривали из самых либеральных лож. Что же делать? Тогда этот совратитель и лжепророк накропал несколько книжек и основал свой орден. Чтобы его точно выгнать не смогли.

– Дальше.

– Никаким реальным могуществом он не обладает. Его так называемые ритуалы – мешанина из древнегреческих слов, которые он недоучил в Кембридже. Его идеал – не благородное служение человечеству, а вино и непотребные женщины. Именно этот ложный идеал и не позволил присоеди-

ниться ему к достойному обществу вольных каменщиков. И до сих пор он постоянно учит лжи. И главнейшая его ложь — что можно быть беспутным гулякой и все равно оставаться великим магом.

— Дальше.

— Неужели вы не понимаете, как это опасно?

— Мы не собираемся учиться у него магии. Нам достаточно знаний почтенного Эмброуза Аурелиануса и чудесных способностей Авагдду.

— Но вы поддерживаете с ним отношения?

— Да.

— Я не советую вам с ним связываться. Дело не в том, что от сотрудничества с этим волшебным шутом вы получите мало пользы: Дело даже не в том, что вы получите от этого много вреда. Дело в том, что эта одиозная личность может оттолкнуть от вас серьезных и влиятельных людей, которым может быть интересна личность Авагдду.

— Например?

— Пусть вас не обольщают рассказы лондонских любителей абсента. Магическая школа Британской империи находится в полном упадке. Она не идет ни в какое сравнение даже с немецкой, не говоря о величайших магических традициях Франции. Надменные англосаксы сначала отвергли мудрость кельтов, потом отказались от изучения каббалы и, наконец, впали в позитивизм. Из магии им отныне доступно только столоверчение. И знаменитый атеист лорд Рассел

может написать еще десятки книг и прожить хоть сто лет, но все равно немыслимо, чтобы он владел хоть каким-то могуществом и произвел хоть что-то, кроме очередного потока слов.

– Это так. У лорда Рассела неподходящая внешность. Он мог бы работать викарием или бухгалтером, но никак не магом.

– Возможно, вы слышали про мадагаскарскую войну – этот триумф французской магической мысли. Огромный, доселе неразведанный до конца остров у берегов Африки равен по площади Франции, Швейцарии и Нидерландам вместе взятым. Населяют его не негры, а потомки малайцев, поэтому могущество тамошних шаманов невелико. Англия и Россия делали все, чтобы завладеть островом. Тогдашний президент Франции Жюль Греви прислушался к советам нашей логи и отправил на Мадагаскар выдающегося практика – Бернара-Мариуса Казнева из Тулузы. Казнев явился к королеве и продемонстрировал ей несколько достижений магов французской школы. Королева немедленно склонилась к сотрудничеству с Францией. Перепуганные англичане запросили правительство, но во всей Британии не нашлось ни одного колдуна, который рискнул бы соперничать с Казневым. Тогда они поспешно разослали своим миссионерам брошюры с описаниями простейших чудес. Однако духовное зрение открыло Казневу эту жалкую хитрость. В присутствии королевы он разоблачил английских миссионеров и

с легкостью воспроизвел их ничтожные чудеса. Посрамленные англичане были вынуждены покинуть остров, и Мадагаскар стал французской колонией. Магическая война была блестяще выиграна!

– Очень хорошо.

– Враги Франции впоследствии сфабриковали дело Даниэля Вильсона и добились отставки старого Гревя. Но Мадагаскар остался за Францией. Сохранение его – дело чести всей нашей нации.

– Как это относится к нашей девочке?

– Я полагаю, талант Авагдду по-настоящему расцветет, если им займются не мечтатели из числа теософов, а профессионалы. Наша нация готова оказать всякое содействие.

– Не смейте к ней прикасаться! – раздался голос.

Эмброуз Аурелианус Мирддин стоял на пороге комнатки. Он весь трясся, а в бороде, казалось, тлели фитили, как у пирата Тича. Руки сжимали книгу так, что пальцы побелели.

Дверь за ним запер Гвион.

– Простите? – Шовен повернулся к друиду.

– Отвечайте – кто был первым масоном?

– Хирам, архитектор храма Соломона, – спокойно ответил француз.

– И где он строил этот храм?

– В Иерусалиме. Вы решили устроить экзамен для младших школьников?

– Вот, в Иерусалиме. А теперь припомните-ка карту. Где

Иерусалим, а где Уэльс, древняя Кембрия?

– Но Хирам...

– К черту Хирама! Он строил храм в Иерусалиме. А ваши братья-христиане приходят в исконно кельтскую Англию, где еще во времена Цезаря были академии друидов, и уничтожают все древнее тайное знание! И потом, когда уже поздно, начинают отыскивать и придумывать. Так и появляются масоны. Чтобы ловить в свои сети тех, кто ищет убитую правду!

Француз поднялся.

– Простите, я...

– Вы – агент христианских сил! Вот вы кто!

– Не беспокойтесь, – очень тихо сказала Керридвен, – у почтенного Мирддина опять приступ кельтской филологии. Я рассмотрю ваше предложение. Ответ будет после выступления в Теософском обществе.

– Вон отсюда, почитатель Распятого! – бушевал Эмброуз Аурелианус, – Пришелец! Латинянин! Иезуит!

– Кто-то из известных путешественников советовал останавливаться в «Бингли», а селиться в Hotel d'Europe, – заметил Кроу за завтраком, – К сожалению, d'Europe уже снесли. Не удивлюсь, если по указке из «Бингли». А между прочим, в d'Europe останавливался сам Миклухо-Маклай! Миклухо-Маклай всегда делал правильный выбор!

– Кто был этот человек?

– Ваш русский ученый, изучал Новую Гвинею. Папуасы считали его божеством. Признаться, я бы тоже не отказался побыть божеством, но только не в Новой Гвинее. Там недостаточно комфортабельно, даже если ты божество. Предпочитаю Париж. Или Италию.

– Италия – это в Лондоне?

Кроу рассмеялся.

– Почтеннейший, вы не перестаете меня радовать.

Завтракать пришлось в Рех – из соображений конспирации. «Совратитель и лжепророк» Кроу долго и брезгливо принимался к соусу, потом решил. Но заказал дополнительно бутылку рома Old Monk. Исключительно, как он сказал, чтобы продезинфицировать.

И категорически запретил даже предлагать ему салат с омарами! Он терпеть не мог созвучия согласных букв в названии этого ужасного блюда.

Монах спокойно поглощал тосты с китайскими огурцами и якобы дижонской горчицей.

– У вас уже есть идея, как мы будем ловить наши десять тысяч фунтов? – осведомился Кроу.

– Нет. Сначала надо смотреть со всех сторон.

– И начнем, как у нас принято, с созерцания? Активного созерцания? За подозреваемым?

– Да. Надо изучить этих людей. Надо понять, зачем они в Сингапуре.

– Видите, я уже осваиваю ваши методы. Вы уже решили,

кто будет первым, за кем мы будем следить?

– Да.

– Это Шовен?

– Нет.

– Это лохматый Кластерманн?

– Нет.

– Мы будем следить за девочкой?

– Нет. Ей сейчас никто не угрожает.

– Так за кем же мы будем следить?

– За Гарри Ли.

Часть II. Под наблюдением

VII. Русская и неизвестная

– Смотрите-ка, – Кроу читал Singapore Herald, – а у нас новый труп!

– Это пропавший постоялец? – осведомился монах.

– Не надо шутить, почтеннейший. Ваши шутки слишком часто сбываются... Послушайте, что пишут: «Загадочное убийство возле холма Монаха. Сегодня утром полковник Генри Б. Терли, 46 лет, заместитель председателя сингапурского отделения Всемирного Теософского общества, был застрелен прямо на веранде собственного дома на улице Виктории, 6. Убийца задержан на месте. Им оказался воспитанник покойного, пятнадцатилетний Киёаки Ёсида, подданный Японской Империи. Причины, побудившие юношу совершить этот ужасный поступок, пока неизвестны. Киёаки Ёсида обучался в Стемфордской гимназии и проявлял выдающиеся способности к живописи. На выставке, о которой наша газета сообщала в номере 35 за этот год, некоторые его графические работы даже нашли своих покупателей». Не правда ли, удивительное совпадение? Заместитель председателя, как же! И этот юный подражатель Ричарду Дадду...

Лобсан взял карандаш и пометил на карте дом покойного

полковника Терли.

– Вы знали этого человека? – спросил он.

– Нет. Но это и не нужно. Они там, в Теософском обществе, все одинаковые. Приходится запоминать амулеты и форму бороды... Тут вот что главное – его застрелили сразу после представления Авагдду! Это должно быть связано! Хорошо бы добраться до этого Киёаки Ёсиды!

Лобсан закончил с завтраком, свернул карту и поднялся. Кроу схватил его за край оранжевой рясы.

– Подождите, почтеннейший! – зашептал оккультист.

– Да, что-то еще?

– Прошу, не забывайте. Даже когда будете искать, не забывайте.

– О чем?

– Вы должны мне помочь. Вы видите, где я... Нет, где МЫ с вами находимся?

– В Сингапуре.

Кроу сжался и усох. Из него словно выпустили воздух.

– Вы должны помочь мне. Мы не просто так встретились. И вы не просто так меня терпите. Это судьба устроила нашу встречу! Сама судьба!

– Я тоже так думаю.

– Вы же знаете, что я все потерял. Деньги, учеников, уважение... Все разлетелось. Все в пыль. Я во мраке, монах! Во мраке! Даже сейчас, под этим ярким солнцем... Ничего уж не будет! Ничего! Темная ночь души. Бездна!

Монах молчал.

– Тени идут за мной. Я не вижу выхода.

– Мы будем искать шпиона, – ответил монах, – Я думаю, у вас много тяжелой кармы. Вы совершали ошибки и вели себя недостойно. Теперь пришла расплата. И нам нужно много хорошей кармы. Чтобы было, чем заплатить.

Кроу кивнул и обмяк на стуле. Он молча смотрел куда-то в пространство.

Лобсан нахлобучил конусообразную вьетнамскую шляпу и зашагал в сторону океана. Чаши для подаяний с собой он не взял.

На душной улице не было ни души. Грузная крепость гимназии и изящный дворец отеля, обсаженный пальмами, великолепно дополняли друг друга. Монах обошел гимназию со всех сторон, после чего сдвинул шляпу на бок и направился к отелю.

На веранде смуглая горничная протирала пустые столы. Монах остановился на солнцепеке так, чтобы черная тень от крыши легла прямо возле его ног.

– Простите, уважаемая. Можно ли увидеть вашего коридорного? У меня для него важное известие.

– А он сам к вам пошел, – отозвалась горничная. – Домой, в индийский квартал.

– Благодарю! Благодарю!

Монах вышел из ворот отеля и очень осторожно, из-под

шляпы, посмотрел на гимназию. В окне второго этажа стояла стройная светлая фигура с биноклем.

Лобсан поправил шляпу и зашагал вверх по улице. Ар-декошные двухэтажные особняки обступали мостовую, словно в Варшаве или Тулузе, и только пальмы и прохожие напоминали, что он в Азии.

На перекрестке дежурил полисмен-малаец. При виде монаха он нахмурился.

– Простите, здесь европейский квартал. Индусам не положено...

Лобсан предъявил квитанцию из отеля Rex. Малаец удивился, но бумагу вернул.

– Чем могу быть полезен... эм... сэр монах?

– Я прибыл сюда как посланник. И разыскиваю две вещи: одну китайскую, другую индийскую.

– Антикварный магазин – через два квартала в ту сторону, сэр монах. За поворотом, у него зеленая вывеска.

– Мне нужен индийский квартал, – уточнил монах, – и китайская закусочная с лапшой.

– Это все одну сторону, сэр монах. Идите мимо собора дальше по Хилл-стрит. Она широкая, вы не ошибетесь. Дойдете до набережной и смотрите, куда вам надо. Если к индусам – идите вправо вдоль реки, пока не придете в речную долину, где холмы. Если к китайцам – просто переходите мост, и вы в китайском квартале. Там в каждом доме по такой лапшичной лавочке.

– Я уверен, что такие лавочки есть и в европейских кварталах.

– Посмотрите в районе «Оранджа». Вот по этой дороге и вверх, до самого ботанического сада. Там есть туристы и китайские торговцы попадают.

– Они там живут?

– Да, сэр монах. В таких особняках. Как англичане, только отдельно.

– Вы там бывали?

– Не очень часто, сэр монах. Малайский квартал – это в Калланге, это вообще в другой стороне. Делать там нечего, вот что я вам скажу. Глупые народы, понимаете? У китайцев порядок есть, но благородства все равно нет. Ну вы понимаете, видели же, сэр монах. Вы сами со Шри-Ланки?

– Из Тибета.

– Тибетцев я уважаю, – заявил постовой, – благородные люди, сэр монах. Как вы этим непальским гуркхам ввалили, а? Вам даже китайцы ничего сделать не могут!

– Спасибо, спасибо, – произнес монах и зашагал вверх по улице Брас Базах. Благороднорождённый постовой Тенгу Фахри замер на своем посту.

Закусочная «Знаменитая лапша Вана» нашлась быстро. Внутри сумрачно, и все равно душно. Монах устроился под окошком, уточнил у Вана точный адрес заведения, и расстелил на столе карту.

Возле ботанического сада – две отметки карандашом. Од-

на – адрес Гарри Ли с оборота его карточки, а вторая – дом погибшего полковника Тирли. Особняк Тирли – возле Мо-нашеского холма, а Гарри Ли – на другой стороне, где Оксли. Высоко забрался китайский школьник!

Лобсан пока не знал, как связаны эти два дела, но был почти уверен, что очень скоро они свяжутся вместе. Слишком мало тут европейцев, слишком тесно прижаты они к побережью торговлей и жарким климатом.

А пока он отметил «Знаменитую лапшу» и прочертил по карте дорогу до индийского и малайского кварталов. Потом соединил дом, где жил Гарри Ли, с гимназией Стемфорд. Пути пересекались крест-накрест, и точка их пересечения лежала на том самом перекрестке, где стоял отель Rex и дежурил благороднорожденный постовой Тенгу Фахри.

Лобсан достал бумагу, вписал левой рукой адрес «Знаменитой лапши Вана», вложил в конверт и заклеил. Расплатился, вышел наружу и зашагал уже в другую сторону.

Теперь его путь лежал между Оксли и холмом Елизаветы. По дороге попалось болотце, рядом – красный квадрат общественного колодца из растрескавшегося кирпича. Здесь стирают белье и сплетничают.

Наконец, он вышел к индийской деревне. При виде шафранной накидки сингалыцы привычно кланялись.

А вот и новый храм. Лобсан переговорил с дежурным монахом – насколько это возможно между двумя людьми, их которых один знает английский и чуть-чуть санскрита, а дру-

гой – сингальский, пали и чуть-чуть английского, и даже число обетов у них отличается.

– А почему этот монах такой большой? – спросил какой-то мальчуган лет восьми.

– Он тибетский монах, – пояснил дежурный, – их там специально выращивают.

– Господин тибетский монах! – закричал мальчик на восьмилетнем английском, – А покажите чудо! Нам дяди из теософии говорили, что вы умеете!

Лобсан усмехнулся мальчику и протянул ладонь. В ладони лежал красный шарик.

– Это мне? – спросил мальчик.

Вместо ответа Лобсан бросил шарик о ступени храма. Шарик подпрыгнул и отлетел обратно в руку.

– Резиновый! – провозгласил мальчик.

Лобсан кивнул, взял шарик с ладони и переложил его между большим и указательным пальцами. Потом растопырил ладонь и помахал ею в воздухе. Раз, и шариков стало двое! Один между указательным и большим, второй между указательным и средним.

– Ух! – сказал мальчик.

Лобсан еще раз встряхнул руку. Шариков стало три. Еще раз. Теперь их было четыре. Монах доставал их словно из воздуха.

– Возьми, смотри, – Лобсан подал мальчику тот шарик, который был между большим и указательным. Тот взял его

очень осторожно, постучал пальцем и вдруг со всей силы швырнул в стенку. Шарик отскочил и поскакал мимо мальчика. Когда его удалось поймать, Лобсан кивнул, тряхнул рукой еще раз, и шариков опять стало четыре.

Мальчик и дежурный монах захлопали.

Лобсан, казалось, даже не слышал их аплодисментов. Он снова тряхнул рукой, и шариков стало три. Еще – два. Еще – один.

Мальчик подал монаху шарик – так, должно быть, маленький Суматикирти дарил Будде хрустальные четки. Лобсан взял шарик, положил на ладонь к другому, сложил руки лодочкой, потряс – шарик остался только один.

– Ух!

Лобсан стукнул шариком о порог. Словно доказывал, что шарик, как и прежде, резиновый. Сжал его в кулак, проборотал мантру, раскрыл ладонь.

Шарика больше не было.

– Лучшая проповедь об иллюзорности, которую я слышал! – провозгласил дежурный монах.

Лобсан снял шляпу и заглянул в храм. Сквозь дым поблескивала статуя Будды. Наш герой сделал положенные простирания, потом подошел к курильнице, достал конверт и стал держать над дымом.

– Приходится много жечь, иначе тут все будет пахнуть, – пояснил за спиной дежурный монах, – Мы прямо над сточной клоакой стоим.

Лобсан распрощался и зашагал обратно. За полицейским участком начались особняки китайских торговцев. Они были очень похожи на английские, только стояли кучно и были все немного одинаковые.

Он постучал посохом. Открыла горничная-малайка в накрахмаленном чепчике.

– Простите, мы не подаем...

– Наш монастырь не нуждается в пожертвованиях, – заверил ее Лобсан, – у нас свое большое хозяйство. Я пришел, чтобы кое-что передать одному из ваших домашних.

Он протянул конверт. Малайка взяла осторожно, двумя пальцами.

– Это для Гарри Ли. Лично в руки.

– Как хорошо пахнет! Как индийские благовония...

– Да. Это духи.

– А что за письмо? Секретное?

– Да. От одной русской девушки. Я не могу назвать ее имя. Возможно, это любовное письмо.

Малайка прыснула.

– Хозяин, если увидит, меня в окошко выкинет! Он у нас вспыльчивый.

– Вы же знаете, у русских почти нет предубеждений против других народов. И я полагаю, сын вашего хозяина...

– Я понимаю! Бедный Гарри, он же совсем голову потеряет. Такие-то новости.

– Русские люди ужасно непредсказуемы.

– Да, а тут русская... Мне отец про русских рассказывал. Давно, лет десять назад, когда еще трамвай ходил, один русский матрос устроил скандал с кондуктором. Трамваи тоже были отдельные, если видели, потому что англичанин с малайцем на одну скамейку не сядет. А кондуктор следит за этим, хотя сам малаец, ну вы же понимаете. И вот этот русский моряк садится к малайцам, а малаец-кондуктор его прогоняет. Тогда он идет к пустой передней скамейке, а она только для европейцев, потому что там хоть чуть-чуть обдувает, и садится. Спрашивает, не запрещено? Кондуктор ему – нет. Тогда этот моряк берет и опускает сидение на спинку, они опускались тогда. И садится на него лицом к малайцам. Ох, что с кондуктором было!..

Монах распрощался и отправился в сторону набережной.

Набережная была местом суровым и официальным. Тяжелые административные здания с толстыми колоннами, похожие на белые ящики, выстроились вдоль реки, а между ними полыхала свежая зелень. Вся огромная британская Колония Проливов управлялась отсюда.

Китайцы повсюду, несмотря на сегрегацию. Многие из них – в европейской одежде, причем недешевой.

А по ту сторону парапета, куда ни посмотри, вздымались мачты и пароходные трубы. Корабли и кораблики кишели в Сингапурской бухте, словно тут было место их нереста.

Монах изучал диспозицию. Он уже собирался возвра-

щаться, когда заметил кое-что примечательное.

По серым ступенькам почтового управления поднимался Гвион. В руке у мальчика был большой желтый конверт.

Монах подобрал накидку и отступил в тень за театральной тумбой.

Спустя несколько минут тяжелая дверь с начищенной медной ручкой выпустила Гвиона. Юный валлиец теперь шагал беспокойно: руки в карманах, а ноги, как на пружинах.

Лобсан дождался, пока он отойдет достаточно далеко и по той же улице отправился в Рех. Голова гудела от жары, как колокол.

Благороднорожденный малаец по-прежнему стоял на своем перекрестке.

Лобсан собирался сходить к дому Гарри Ли еще раз, когда стемнеет. А пока лег на пол и провалился в тяжелый сон без сновидений, который накрывает ум, словно тонкая черная бумага.

Когда он проснулся, мысли были только о жажде. Лобсан нащупал графин, выпил его полностью, подумал, что хорошо бы кирпичного красного чая с солью и кислым молоком и решил не ходить. А вместо этого пожалел юного Гарри Ли, который прямо сейчас распечатывает письмо.

Такое-то разочарование в четырнадцать лет!

Но ничего страшного.

У подростков быстро зарастает.

VIII. У контрразведчиков

Монах заказал лапшу и еще раз осмотрелся.

В лапшичной было душно, но уютно. Оформление сочетало чистоту и небольшую заброшенность. Такой стиль всегда привлекает европейских туристов, которые хотят окунуться в экзотику, но не отравиться и не запацкаться.

Все заведение поместилось в одной тесной комнате, чуть больше их номера в отеле Rex. Длинная полка, приколоченная к стенам, а вдоль нее – табуреты, похожие на пеньки. За фанерной перегородкой – медный блеск бака с кипящей водой и столбы белых керамических мисочек. Сам тощий и старенький Ли – там, в белом дыму, и с первого взгляда его даже не разглядишь.

Под потолком сохнут связки загадочных трав. Может, лекарственные, может, пряности, а может, просто для красоты.

Входная дверь хлопнула под перезвон колокольчиков. Китаец в школьной форме – ослепительно-белые шорты и легкий пиджак – и с биноклем на шее в два шага оказался возле Лобсана.

– Прошу прощения, – произнес он, – Меня зовут Гарри Ли. Вчера какой-то монах передал для меня вот это послание.

И бросил конверт на стол.

Видно, что вскрывали его очень бережно. Из конверта

торчала половина сложенного листка. Если его вытащить целиком, можно прочесть:

Уважаемый Гарри Ли (учащийся)!

*Нам необходимо встретиться насчет ваших наблюдений.
Адрес: Бикут Тимах Роуд, 112, где китайская лапша.*

Про русскую девушку я придумал, чтобы вам передали письмо. Прошу меня извинить.

Неизвестный доброжелатель

– Заберите себе, – сказал Гарри Ли. – Я не хочу чувствовать этот запах.

Монах уложил листок в конверт и спрятал его за пояс. Пахло все равно, но теперь запах можно было не замечать.

– Мы можем здесь говорить?

– Да. Мой отец тоже иногда здесь обедает.

– Я хочу вас кое о чем предупредить. Не следует думать, что это письмо было розыгрышем. Мы просто хотели, чтобы вам его передали лично в руки. Женщины обычно умеют хранить такие тайны.

– Вы монах. Вам легко играть с такими вещами!

– Я не всегда был монахом.

– Вы знаете, сколько у нас в школе девочек? У нас одна девочка. Она учится в моем классе! И она китаянка!

– Ты можешь рассказать, почему тебя не захотели слушать в английской контрразведке?

– Меня выслушали, – Гарри Ли перевел дух. Смена темы хорошо на него подействовала, – но из моей попытки ничего не вышло.

– Не жалуйся. Рассказывай.

Дело было несколько дней назад.

Гарри Ли с портфелем подмышкой взбежал по серым ступеням и вступил в выложенный белым мрамором холл, похожий на пещеру внутри айсберга. Мрамор дышал прохладой, но все равно было влажно и душно.

Дежурный в черном полицейском мундире покосился, но подходить не стал. Китайцам в военном управлении делать, конечно, нечего, но Гарри казался мирным и едва ли собирался подбросить адскую машину.

– Что вам угодно, молодой джентльмен? – спросил дежурный секретарь.

– У меня важное сообщение для господина губернатора колонии.

– Простите, молодой джентльмен, но на господина губернатора возложено управление всей огромной колонией Поселений Пролива, которая включает в себя, если вы помните географию, княжества Малайи, этот долларовый арсенал Британской империи, Бруней, Саравак и многие другие важнейшие территории. Почти все время он очень занят, и у

него даже нет времени поиграть в поло. Приходится ограничиваться бриджем и крикетом. Он не может принять вас сейчас. И вообще не принимает доклады от гимназистов.

Клерк, видимо, заметил нашивку гимназии Стемфорд. Теперь будет издеваться до конца. Сам-то он, конечно, видел престижные гимназии только из-за забора.

– Мое дело имеет отношение к шпионажу, – сказал Гарри Ли, – Если губернатор занят, мне нужно на прием к ответственному за контрразведку. Учтите, если вы меня не пропустите, я изложу мои соображения в письменном виде.

– Вы думаете, их кто-то будет читать?

– Нет. Но когда дело откроется, вас будет судить военный трибунал. За помощь в укрывательстве иностранных шпионов.

Клерк хмыкнул и велел сначала заполнить анкету. Причём анкета была на четыре листа. Когда с ней было покончено, клерк отправил непрошеного гостя во вторую канцелярию, к лейтенанту Блэру.

Лейтенант Артур Блэр восседал за тонкой перегородкой с матовым стеклом. На еще молодом лице топорщились усы, черные, словно нефть. Стандартный светлый мундир был подогнан по фигуре и удивительно ему шел. Так подходит небогатому денди новенький костюм из магазина готового платья.

Гарри Ли сразу понял, что этот Блэр не очень много решает. Наверняка не больше, чем одних младших контрраз-

ведчиков, которому сплавляют странные донесения. Тот, кто действительно может приказать начать аресты, должен быть хотя бы полковником.

На тонкой дубовой столешнице лежала анкета Гарри. Впрочем, дальше первой страницы он еще не продвинулся.

– Значит, это ты тот школьник, который поймал шпиона? – спросил он. Из-под густой брови сверкнул карий глаз.

– В настоящий момент я не смог его поймать.

– Шпион сбежал?

– Нет. Шпион пока ничего не заподозрил. Мы ловим его всем радиокружком.

– Молодцы, хорошо развлекаетесь.

– Для нас это не развлечение. Оно отнимает почти все время, кроме занятий. Мы едва успеваем делать уроки.

– Ну поиграйте в индейцев! Или в шарики! – Блэр отложил анкету.

– Вы помните обстоятельства крушения транспортного самолета TAW восьмого класса Douglas DC-2 во время рейса Буэнос-Айрес – Нью-Йорк? – спросил китаец.

– Нет. АвиапЕРЕВОЗКИ – это в Транспортное управление. Выходишь отсюда и идешь дальше по набережной. У них есть картотеки. Они у довольствием послушают про шпионов, которые роняют самолеты.

– Авиакатастрофа произошла 3 августа 1935 года, сэр, – сказал Гарри, – Самолет бесследно пропал, когда пролетал район Бермудских островов. Последняя поступившая радио-

грамма: «Ожидаемое время прибытия в Нью-Йорк – 17:45. CEDNETS». Последнее слово так и не было расшифровано.

– Это очень интересно. Ты не думал, что это может быть просто ошибка радиста?

– Ошибка радиста исключена, сэр. Оператор радиостанции в Нью-Йоркском аэропорту трижды просил повторить последнее сообщение. И все три раза оно было одно и то же: «Ожидаемое время прибытия в Нью-Йорк – 17:45. CEDNETS». И, повторюсь, последнее слово так и не было расшифровано.

– А ты его, получается, расшифровал?

– Нет, сэр. Я не знаю, что значит это слово. Но три месяца назад ваша служба обратилась к криптографам Британской империи с просьбой помочь в расшифровке перехваченной радиопередачи одного из агентов неназванной державы.

Школьник достал из портфеля и положил на стол аккуратно вырезанную записку из The Times. Лейтенант Артур Блэр кивнул, но не притронулся.

– А вот что удалось перехватить нашему кружку, – Гарри Ли достал три листка из ученических тетради с машинописью, – Вы можете убедиться в их несомненном сходстве, сэр.

Блэр взял странички и посмотрел на них. Лицо оставалось непроницаемым.

– Мне неизвестно, сэр, насколько подлинный шифр опубликован в The Times, но сходство радиопередач, повторю, несомненно.

– Шифр в The Times подлинный. Но неужели ты думаешь, что они не додумались после публикации его заменить?

– Я полагаю, что они могли это сделать, сэр. Но скажите, зачем кому-то, кроме шпиона, передавать зашифрованные сообщения из отеля «Бингли»?

– Почему ты решил, что из «Бингли»?

– Мы пеленговали его, сэр.

– Насчет зашифрованный – не согласен. А вот с «Бингли» согласен. Есть подозрение, кто это делает?

– Нет, сэр. Но это можно установить.

– А вы уже и шифровальную книгу украли? Какие талантливые дети!

– Нет, сэр. Но вам должен быть известен шифр. Ведь кто-то откликнулся.

– Шифр знать мало. Нужен ключ. А лучше вся шифровальная книга.

– Разве после публикации в The Times не нашлось человека, который взломал бы этот код?

– Признаться, не знаю. Скорее всего, нет. Разрабатывать шифры намного проще, чем взламывать. Даже русские сейчас шифруют так, что проще украсть ключ. И мы публиковали зашифрованный текст не для того, чтобы найти расшифровку. Там все равно нет ничего, чего мы сами не знали бы.

– Тогда зачем вы его напечатали?

– Чтобы посеять ужас, – невозмутимо ответил Блэр, – Чтобы каждый шпион знал: рано или поздно мы до него до-

беремся.

– Это очень хитро. Такие хитрости приписывают обычно китайцам.

– Ты слишком много читаешь газеты, раз знаешь, кому что приписывают. Попробуй вместо глупостей читать классику. Шекспира. Гомера. «Журнал для девочек».

– Разве вы не собираетесь арестовать шпиона из «Бингли»?

– Собираюсь.

– Но... почему вы не начинаете? – Гарри с трудом подбирает слова. – Он может уйти в любой момент!

– А что я могу ему сделать?

– У вас, наверное, имеются полномочия его арестовать.

Блэр покачал головой. Ситуация, похоже, его забавляла.

– И как ты себе это представляешь? – осведомился он, – Вот я сейчас звоню, вызываю к себе сержанта из гарнизона и приказываю собирать команду, выдвигаться в «Бингли» и арестовать шпиона. А сержант у меня и спрашивает: «Простите, а кого именно из постояльцев я должен арестовать?» И я не знаю, что отвечать. Или ты предлагаешь арестовать первого попавшегося постояльца и назначить шпионом его?

– Но сэр! У него должны быть передатчик и шифровальная книга. Наконец, у него должны быть связи в канцеляриях. Он должен откуда-то брать то, что потом шифрует!

– Скажи, ты в Стэмфорде учишься?

– Да, сэр. Китайцы там редкость, но мне удалось сдать

вступительные экзамены.

– А я вот Итон закончил. Потом служил в Бирме. Перевели сюда. Это считается повышением. Хотя я предпочитаю деревенскую жизнь. А ты?

– Мне нравятся большие города, сэр. Я мечтаю увидеть Лондон, Нью-Йорк, Рим и Вавилон.

– В твоём возрасте мечтать – это нормально. И хорошо, очень хорошо, когда у молодого человека такие смелые мечты. Но вот мне уже скоро тридцать. И если я буду следовать твоим советам, то вместо контрразведки поеду наслаждаться сельской жизнью.

– Я не могу понять вас, сэр.

– Да что тут понимать! – взорвался лейтенант Блэр. – Ты предлагаешь заявиться с отрядом в самый престижный отель Сингапура, где останавливались Киплинг, Моэм, Джозеф Конрад и прочие, арестовать там половину постояльцев и обыскать без ордера все номера? Ты хотя бы представляешь, что там, наверное, половина постояльцев – иностранцы, достаточно богатые, чтобы безвылазно сидеть в этой щелке между Европой и Азией и не замечать жары? По-твоему, их правительствам не будет до этого дела? Дела им нет до Рейнской демилитаризованной зоны, а вот до законности в Британской империи есть! Они просто завалят нотами протеста наше министерство иностранных дел! Все – от президента Франции до короля Албании – будут требовать объяснений! И как ты предлагаешь объяснять? Что ко мне пришел кита-

еще-гимназист, принес три тетрадных странички, и я тут же приказал арестовать и обыскать подданных половины стран Европы? Какая деревня, какая Англия! Меня прямо здесь, не выезжая с острова, на Лу Чу Кан Роуд служить переведут. В новый сумасшедший дом! Пациентом!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.